

МАРГАРИТА АРДО

ТАКСИ

заказывали?

Из жизни переводчиков

Маргарита Ардо

Такси заказывали?

«Автор»

2020

Ардо М.

Такси заказывали? / М. Ардо — «Автор», 2020 — (Из жизни переводчиков)

Не стоит запрыгивать, не глядя, в чужие роскошные машины, даже если уверены, что это ваше такси! Или таксист окажется слишком шикарным, или вы попадете не туда, куда планировали...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	48
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Маргарита Ардо

Такси заказывали?

Глава 1

- Ты крылья не забыла? – спросила Валюха.
- По дороге отращу, – ответила я.
- Мари! – возмутилась подруга.
- Всё, мне неудобно. Я никак такси не найду. Пока! – хмыкнула я и отбила звонок.

Валюха снова принялась названивать. Вот беспокойная душа! Ей вечно надо проверить по двадцать раз, всё проконтролировать и сдать под опись. С другой стороны, ничего странного – не зря же она работает помощником управляющего фирмы «Карлоффс» и строит ежедневно сто сорок восемь мужчин и самого управляющего. Тем веселее её троллить.

Хотя на этот раз я не шутила – не особо разговорилась с пятью набитыми реквизитом пакетами в одной руке, шестью с подарками – в другой, на каблуках по лужам и придерживая одним пальцем телефон так, чтобы разглядеть на карте приложения, где «вас ожидает» такси.

Кажется, все белые авто класса «люкс» или «комфорт плюс» столпились сегодня перед парикмахерской «Стрекоза», просто чтобы порадовать меня разнообразием иномарок в нашем городе. Вот и говорите, что «у людей денег нет».

А крылья я не забыла – перья то ли ангела, то ли тщательно ощипанного бройлера, показательно высывались из третьего пакета в правой руке и опасно привлекали рыжемордого кота.

– Кыш! – отпугнула я мехового бандита пакетом с париками и с облегчением обнаружила искомые номера на белом внедорожнике, припаркованном прямо перед замечательной лужей.

«Не мог через метр припарковаться», – буркнула я про себя, но тут же расслабилась – когда ещё радоваться жизни, как не в наш с девчонками праздник?

Хорошо ведь! Мужчины озабоченные с цветами по городу носят, женщины нарядные, счастливые. Птички поют, обалдев от раннего тепла, запахов мимозы, фиалок, шаурмы, бензина и той особенной весенней свежести, от которой так просторно становится в сердце и хочется петь, мороженого и влюбиться!

Но время поджимало – до выступления ещё нужно было прогнать все сценки в полном «обмундировании», включая крылья. Так что я поспешно ступила носком туфельки в центр лужи. Большим и указательными пальцами, стараясь не выронить пакеты, открыла дверь и плюхнулась, как Трындычиха с оклунками, на переднее сиденье.

– Здравствуйте!

Водитель взглянул на меня исподлобья, отводя от уха телефон. Я скользнула по нему приветливой улыбкой, не разглядывая. Мне было нужно забросить всю эту кучу пакетов на заднее сиденье. Только один – с шампанским, конфетами и крыльями я оставила перед собой. Тренькнула пальцем по феечкиным рожкам на ободке, заставив их весело подпрыгивать блестящими пушистикками над плотным полиэтиленом, и откинулась на спинку кожаного сиденья. Сижу, наконец. Красота!

– На Стачки, пожалуйста, – попросила я и добавила номер дома.

Говорить адрес не обязательно, он указан в приложении, но я считаю, что не красиво как-то вваливаться в чужую машину и молчать – мол, «везите меня, прекрасную, в дальние края». Между прочим, один раз в Москве я в спешке чуть не уехала в другой аэропорт из гостиницы. Кто же ожидал, что два одинаковых автомобиля Рено с пометкой «Яндекс. Такси», оба в аэропорт, будут стоять возле входа?

Водитель не ответил мне. Полыхнув волной негатива, отложил смартфон и вырулил на дорогу. Я взглянула на таксиста и чуть не присвистнула – вот где действительно был люкс! Даже странно: с чего вдруг такому мужчине от тридцати пяти до сорока, в костюме с иголочки, со стильной стрижкой на темных волосах, чуть подернутых серебристыми штрихами на висках, с внешностью модели для рекламы дорогих мужских парфюмов и соответствующим запахом, да ещё и с импозантностью владельца какого-нибудь модного бренда типа Боско ди Чильеджи вздумалось заниматься извозом? Бывает же!

Нет, улыбаться его, конечно, не научили. Как и здороваться. Смотрит на дорогу волком, поджав красивые губы. В руль вцепился, будто вот-вот отберут.

Нет, я не собираюсь отбирать. Честно-честно...

Впрочем, в женский день у многих представителей сильного пола вид именно такой – напряженно ожидающий или в голову ударенный. Может, подарком жене не угодил? Или теще?

Я непроизвольно взглянула на безымянный палец представительного таксиста. Кольца не было. Но такой образчик элегантной мужской красоты обязательно должен быть окольцован. Не сам ведь подбирал себе этот шикарный галстук?

Я снова улыбнулась и решила: теперь буду платить на сто рублей дороже, чтобы прокатиться на такси категории «люкс», когда захочется посмотреть на мистера элегантность. И девчонок возьму, пусть тоже полюбуются...

Настроение у меня и без того было чудесное, а теперь я, словно в противовес мужчине за рулём, совсем развеселилась и стала разглядывать людей и машины в окно.

* * *

Не знаю, как вы, а я обожаю свой город! Особенно старый центр с уютными и помпезными особняками, к одному из приездов Президента дружно выкрашенными в пастельные тона. Среди бывших купеческих домов и всего этого кремового-розового, лимонного, голубого, зеленого, можно наткнуться на стеклянные башни-близнецы, построенные с кондачка по прихоти какого-то нувориша. Или на замухрыжную многоэтажку. А потом снова дореволюционные дома вперемешку с дворцами.

Я люблю узкие улочки и широкие проспекты с акациями, тополями и клёнами, с повсеместными торговыми центрами и супер-ларьками, вытянувшимися, как грибы под радиационным дождём, до размеров мини-небоскрёбов. В последнее время люблю особенно!

Мы вырулили на Большую Садовую.

Если сейчас обернуться назад, на холме вдалеке можно увидеть мадам Телебашню. Чем не Эйфелева? Она на праздники зажигается в сумерках в цвета флага и сияет очень романтично! Даже Ленин у Парка Горького не мешает чувствовать французский флёр.

А вот тут за углом можно отведать макаронки по вкусу лучше, чем в Париже. Ну и что, что это не «Cafe de Fleur», а всего лишь «Сметана»? Ростов – это эклектика, и тут можно увидеть настоящий южный шик, какой не найти в Европе; встретить продавца сухофруктами в часах Бреге, уборщицу с накладными ногтями стоимостью в её зарплату или вот такого VIP-таксиста... Так что я удивилась, но не очень сильно.

* * *

В моей голове крутилась песенка Эда Ширана. Мы продвигались со скоростью экскурсионного автобуса – пробки. На мосту над железнодорожным вокзалом наш автомобиль встрял плотно и остановился – три полосы забиты с одной стороны, три – с другой, скорость достигла нанометра в минуту. Но я не волновалась – запас времени ещё был, хоть и понемногу приближался к критическому. Водитель по-прежнему молчал. Его право.

И вдруг в его смартфоне зазвучал саундтрек из Терминатора. Красивое лицо человека за рулём стало ещё более каменным.

– Что тебе ещё?! – буркнул он в трубку.

Женский голос что-то ответил. Стервозные нотки и до меня долетели.

– Тебе мало, всегда мало! – прорычал водитель. – С меня хватит! Этого ты не получишь. Ты мне уже всю голову вынесла! И не шантажируй меня детьми! Они все равно не мои! Да, я люблю их, да, воспитывал, но ты... Прекрати... Прекрати, я сказал! Нет, я тебе ничего не должен! Всё, разговор окончен!

Он бросил трубку и припечатал парой ласковых. Я аж вздрогнула. Затем он посмотрел на экран смартфона, издал какой-то шипящий звук и поднес гаджет к уху, чтобы проорать:

– И если ты хоть пальцем тронешь мои кубки и удочку... И книги... Да-да! Я все твои шубы выкину! Бомжихам отдам!

И снова понеслось. Меня будто не было.

Я поёжилась в кожаном кресле. Вот тебе и люкс. Терпеть не могу склоки. Нет, я, конечно, понимаю, семейные разборки – дело для многих неизбежное, но не на работе же... Я не за драму в уши плачу лишние сто рублей.

Вдали загорелся зелёный зрачок светофора, потом жёлтый, красный, а мы ни на дюйм не продвинулись. Водитель положил трубку, шумно выдохнул. Его ноздри раздувались и он смотрел на смартфон, как разъярённый буйвол на гиену. Фыркнул раз, другой, потом снова потянул гаджет к уху.

– Извините, – напомнила я о своём существовании. – Не могли бы вы перенести свой скандал минут на десять позже? В крайнем случае, на пятнадцать...

– Зачем? – он, наконец, посмотрел на меня, и лицо его обрело такое выражение, будто он меня только что увидел.

Хм, у него действительно мозг отшибло от страстной ссоры? В фас он был ещё красивее, чем в профиль. Такому бы Бонда играть, а не таксовать по Ростову.

– Вы же на работе. – Я пожала плечами. – А я, как ни странно, ваш клиент.

– На какой ещё работе?! – буркнул импозантный красавец, сверкнув глазами.

– Такси... – с меньшей уверенностью ответила я.

– При чём тут такси? – нахмурился он.

– При том, – начала сердиться я и показала ему телефон, активировав уснувшее приложение Службы Такси онлайн. – Заказ от Крепостного на Стачки. Категория Люкс, комфорт плюс. Номер ваш.

Вид у красавца сделался озадаченный. Он глянул на экран, затем на меня. В серых глазах мелькнуло понимание, и они начали наполняться гневом:

– Мне ещё розыгрышей не хватало! Это не моя машина указана. Где вы видели, чтобы на Порше Кайен развозили пассажиров?!

Хм, а как же люкс? И потом я не разбираюсь в марках...

Я сглотнула, подыскивая слова. Мой телефон завибрировал звонком. Я чвиркнула зелёной кнопкой и услышала незнакомый голос:

– Девушка, ну где вы ходите? Минута ожидания стоит пять рублей, а я вас уже двадцать жду!

– А вы кто? – кашлянула я.

– Как кто? Приложение проверьте. Служба такси онлайн!

Я подняла глаза: на меня смотрел очень недобрый мужчина в самом расцвете сил. Со стальным взглядом, большими руками и широченными плечами. Я растерянно глянула за окно, в боковом зеркале заднего вида отразилась я – высокая и худенькая представительница своего пола, со светлыми волосами, только что уложенными в парикмахерской «Стрекоза», с большеватым алым ртом, удивленными глазами и маленьким носом. Папа говорит, что я кра-

савица, а мама называла «гадким утенком», но теперь вроде многим нравлюсь, себе так особенно.

– А вы кто? – осторожно повторила я вопрос, снова посмотрев на незнакомца за рулём.

Тот глянул в свой смартфон, потом на меня и заявил:

– Кретин.

Вот как! Приятно познакомиться...

Глава 2

Светофор за мостом продолжал перебирать цветами, будто забывтая до майских праздников новогодняя гирлянда. Под мостом с разудалыми гудками, как глашатай конца света, пролетал поезд. А я смотрела во все глаза на мистера-не-Бонда-и-не-таксиста-но-очень-симпатичного и думала: представиться в ответ или он обидится.

Водитель вздохнул, поднёс к уху трубку и сказал:

– Мама, извини, но я не везу твою парикмахершу. Да, обещал. Да, ждёт. Вышла накладка, я вызову ей такси. Оно там должно недалеко стоять... Да, я помню. Извини ещё раз. Нет, не на работе. В пробке. Буду.

Ему что-то ответили, Мистер Элегантность погрузился, отложил на панель телефон и снова посмотрел на меня так, словно я была виновата во всех его неурядицах. На самом деле, только в одной и совсем чуть-чуть... Мне представилась парикмахерша, бегающая вокруг салона красоты в фирменном халате и кричащая «Такси! Такси». Бедная, и в праздники работает...

– Я так похожа на парикмахершу? – спросила я.

– У них какие-то особые приметы? – наморщил он нос.

– Точно не усы, лапы и хвост. Ну, спасибо, что подбросили. Пожалуй, я пойду, – пробормотала я и потянулась к двери.

– Куда?! – воскликнул Мистер Элегантность.

И я только сейчас увидела, что с моей стороны к нашему автомобилю пристроилась фура. Синий брезент, грязные колёса, дырчание, как у дракона на переправе. Приоткрыв дверь, я поняла, что только анорексичный крепыш способен пролезть в образовавшуюся щель. Дальше или фуру таранить, или обращаться в дух и вылетать сизым дымком...

Водитель перегнулся, почти меня коснувшись и вызвав волну непредвиденного волнения, и захлопнул дверь.

– Вы с ума сошли?! – Он обжёт меня взглядом. – С крайней третьей полосы? В такую гущу машин?

– Но я... – и ничего не оставалось, как одарить его моей коронной улыбкой невинной весталки и хлопнуть ресницами. Запрещённый приём, но я блондинка, мне можно. – Извините.

Красавец рыкнул, сказал, что довезёт, и застыл каменным истуканом, уставившись на задний буфер заляпанного грязью УАЗика. Я откинулась обратно на спинку кресла.

Вылезти не получится, зато как было удобно сидеть!

Хоть и немножко неудобно... Однако и в этой ситуации имелись плюсы – хорошо, что я застряла в пробке не в той колымаге впереди. Судя по видимости за забрызганным задним стеклом, в памятнике советским внедорожникам перевозили весь дом, запихав как попало, но влезло не всё – палка торшера с повязанной красной тряпичей торчала из окна. На решётке сверху громоздился диван, точнее, его останки, тоже обвешанные красными тряпочками, как какое-нибудь дерево влюблённых в ущелье Дыркырдыр.

Светофор снова зажёгся зелёным, мой водитель взялся за руль, но мы не сдвинулись. Казалось, ни УАЗику, ни фуре ехать никуда было не надо. А нас стиснули с обеих сторон, как в домике. Со стороны водителя почти вплотную протянулось ограждение между встречными полосами. За ним – плотное скопище машин в противоположную сторону.

Выбраться, по идее, можно было через багажник, но я представила себе эту картину и тут же с удовлетворением решила, что эквилибрист из меня не очень. К тому же пакеты с реквизитом преградили путь к свободе. Вдобавок я на каблуках, на голове укладка. Зря я, что ли, смотрела два часа, как девочка в парикмахерской из моего цыплячьего пуха делает чудесные золотые локоны? Нет уж.

Итак, пути к отступлению оказались перекрыты, так что можно было спокойно расслабиться и вкушать плюсы салона класса люкс. В кресле хоть зарядку делай, хоть калачиком сворачивайся!

Водитель продолжал пыхтеть и поглядывать на мобильник явно с желанием сварить его в кипятке или воспламенить взглядом. Если так будет продолжаться, у него точно получится!

А я не люблю долго молчать и тем более не люблю напряжённую обстановку. И, если уж на то пошло, повода напрягаться у меня не было: пули не свистят, на спектакль я ещё не опоздала. В крайнем случае сделают прогон и без крыльев, а до семи вечера я или пешком дойду, или мы доползём...

– А усы у них всё-таки бывают, – высказала я мысль вслух.

– У кого? – воззрился на меня замученный жизнью красавец.

– У парикмахеров. И даже у некоторых парикмахерш, если в Нахичевань¹ заехать.

– Вы ещё бородатую женщину вспомните, – буркнул водитель.

– Это которая на Евровидении? – оживилась я. – Как её забыть! А песня-то классная была!

– Не помню.

– Хотите напою? – Я радостно развернулась к нему всем корпусом.

– Не надо! – рыкнул в ответ не-Бонд, и я осеклась.

Но обидеться не успела, поэтому заметила:

– А зря. Я хорошо пою.

Он покосился на крылья и феечкины рожки из пакета, нахмурился и бросил:

– В детском саду? Воспитательница, что ли?

Я даже возмутилась: где он видел воспитательниц в таких воздушных платьях, на таких каблуках и с причёской Мерилин Монро? Ну и что, что очень похудевшей? Ладно, платья под пальто не видно. Декольте тоже. Зато налицо алая губная, тени «smokey eyes» и мои ресницы! Я их так тщательно завивала прибором, который папа называет «привет от инквизиции» и весело ругается, когда я предлагаю ему что-нибудь завить. Люблю папу пугать и погоняться с щипчиками за ним по квартире.

Нет, вообще желание этого красавца присвоить мне то одну профессию, то другую мне не понравилось, что побудило меня ляпнуть:

– Почему в детском саду?! Может, в стриптиз-клубе?

Он выпрямился, резко обернулся и посмотрел на меня внимательнее. Затем покачал головой.

– Нет. Детей туда не берут.

– Почему это детей?! – возмутилась я. – Я вполне совершеннолетняя и даже с высшим образованием.

Чуть не ляпнула про «половозрелую».

– Но не с таким взглядом, – констатировал он.

А с каким? Я думала, мой взор – чарующий и полный соблазна... В инструкции к «щипцам для завивки ресниц» было написано: «**Хотите магический взгляд, привораживающий мужчин?**»

Я очень хотела! Но не-Бонд добавил:

– Поживёте с моё, поймёте.

– Неужели вы пенсионер? – снова вырвалось у меня.

Он взглянул на меня прискорбно и объявил, как приговор:

– Мне сорок. Почти...

– Подумаешь? – Пожала я плечами. – А мне двадцать пять.

¹ Армянский район в г. Ростове-на-Дону.

– Взрослым врать не хорошо.

– Паспорт показать?

– Хм? – Он опять внимательно посмотрел на меня и буркнул: – Не надо.

Я вздохнула с улыбкой.

– Ну и хорошо, а то за шампанским всегда хожу с документами. Нет, мне это, конечно, льстит, но думаю, что возраст – это не то, чем хвастаются.

– Мои года – моё богатство, – невесело усмехнулся красавец и постучал пальцами по рулю. Похоронный марш.

Я заметила белый след от кольца на пальце. С ним явно что-то не так... А я категорически не могу, когда рядом кто-то грустный, и поэтому я опять развернулась к нему всем корпусом и заявила:

– Нет, я вовсе не о том. Моей прабабушке девяносто, и она повторяет одну и ту же фразу, как заезженная пластинка, еле стоит на ходунках, но может огреть кузена веником, чтобы потом улететь на пол, потому что не удержалась, и когда её спрашиваешь, растирая синяки мазью: «Бабуля, тебе девяносто уже, когда помудреешь?». Она отвечает, что чувствует себя, словно ей двенадцать, и не понимает, почему собственно должна сдерживаться, если очень хочется кому-то по попе веником. Мудреть она не собирается, ей и так хорошо. А я, несмотря на свой возраст, знаю, что агрессией делу не поможешь, конфликты нужно решать мирными переговорами, и вообще чувствую себя старше и её, и даже родителей. Так что возраст тут совершенно не при чём!

Красавец смотрел на меня неотрывно, точнее на мои губы. Потом перевёл взгляд на глаза и спросил:

– Почему вы все, женщины, так много говорите?

Я озадачилась.

– А это плохо?

– Да.

Я вздохнула и потянулась за телефоном.

– Ну ладно, тогда помолчу.

– Прекрасная мысль. Как ни странно...

– Угу, я же блондинка...

– Извините, вырвалось.

– Не извиняйтесь, я не обиделась.

– Правда?

– Правда.

– Ого, – присвистнул он.

– Не свистите, денег не будет. Придётся на самом деле таксовать.

Красавец хмыкнул. Светофор снова поиграл жёлтым-красным, фура утробно порычала, УАЗик рыгнул на нас угарным газом. Мой водитель взялся за руль и проехал полметра. И всё опять встряло. Видимо, это судьба.

Я устроилась на кресле поудобнее и включила 4G в телефоне. Мы же не разговариваем? Нет. Жалко, конечно. У него мимика интересная. И глаза. И нос, как у римского патриция. Или у итальянца. Да какая разница? Не говорим и не говорим... Может, человеку жизненно важно сейчас помолчать? А лучший способ не разговаривать – поболтать с кем-нибудь в соцсети. Я написала Валюхе:

«Звезда моя, я в пробке, еду, точнее больше стою. Но, пожалуйста, не звони».

«Почему?»

«Неудобно.»

«Сколько тебе ещё ехать?»

Я глянула на часы, на столпотворение на проспекте и подумала, что вечность. Но набрать в ответ не успела, потому что теперь красавец развернулся ко мне всем торсом, опёрся о руль и спросил самым возмущённым тоном:

– Что вам, вообще, женщинам, надо?!

Я моргнула.

– Лично мне? Ничего.

– Вот только не надо этого...

– Хорошо, – кивнула я. – Вы как-то определитесь: надо или не надо. Но если прямо сейчас, а имеет всегда смысл только то, что прямо сейчас, мне надо, чтобы вы выдохнули, расслабились и улыбнулись. Всё остальное и так прекрасно!

– Зачем?!

– Не люблю, когда люди нервничают. Я за позитив.

– Жизнь в розовых очках?

– В розовом цвете. Я б вам спела про это песню, но вы не хотите...

– Не люблю самодеятельность.

– А если я оперная певица?

– Нет.

– Почему нет?

– Вы не толстая. Сопрано неоткуда выдавливать.

– А контр-альт?

Красавец воззрился на меня поражённо и даже массивные часы на запястье поправил:

– Вы поёте басом?

У него очень красивые часы! А руки ещё лучше. Вот разве можно быть таким идеальным на вид и таким букой? Поэтому тянуло потроллить.

– Всё возможно. Может, у меня, несмотря на комплекцию, самый низкий женский певческий голос с большим диапазоном грудного регистра: от фа малой октавы до соль второй октавы. И я исполняю роли мальчиков в опере. Ну, как вариант... А, может, конечно, пою в джаз-бэнде. Или в церкви. За батюшку. Или в душе, когда моюсь, на радость соседям. В общем, вы же ничего обо мне не знаете...

– Не знаю. А должен?

– Не должен. Но было бы неплохо понимать, что вы оказались запертыми в одной машине не с маньяком.

– Скорее это должно тревожить вас.

– Неа, не тревожит.

– Почему?

– Вы добрый: маму любите, чужих детей и неизвестно кому покупали много шуб, которые пока несмотря ни на что не отдали бомжам...

– Э-э... – моргнул красавец. – Интересно, как вы сделали все эти выводы?

– У меня большие уши.

– Скорее глаза... – В его взгляде что-то изменилось. – Любопытно, что ещё я не знаю о себе?

– Что вам ужасно повезло сегодня?

– В чём же? – усмехнулся он. – В том, что я с утра ругаюсь с бывшей женой? Что она шантажирует и выносит мне мозги, словно три дня назад мы не развелись? Что меня залила соседка? Что пробил колесо? Что я ещё не завтракал? Что не привёз на восьмое марта матери стилиста, как обещал? И вообще встрял в пробку?

– Но ведь могло случиться худшее и не случилось? – сказала я, зарываясь почти по голову в пакет у ног.

– Что, например? Инопланетный корабль не упал мне на темечко? – фыркнул красавец.

– Нет, вам повезло в том, что вы сегодня проснулись. И не умерли.

– А должен был? – озадачился он.

– Нам никто не гарантирует, что мы проснёмся, – подмигнула я. – Знаете, почему я оптимист и всем довольна?

Не-Бонд мотнул головой, разглядывая меня ещё внимательней, словно Гарри Поттер царевну-лягушку в зоопарке под стеклом, которая у него на глазах принялась во что-то превращаться. Не факт, что в красавицу, несмотря на смоки айс, однако ж...

Я протянула ему упакованный в полиэтиленовую пленку сэндвич.

– У меня принцип такой: «Умри с утра».

– Как оптимистично!

– Если подумаешь, что сегодня утром ты мог умереть, то все проблемы становятся как-то не очень серьёзными.

– «Умри с утра»? Хм... Отравленный? – спросил красавец и сэндвич взял.

– Только если пестицидами в огурчике... Шампанского не предлагаю, вы за рулём. «Умри с утра» не предполагает лишиться водительских прав.

– А есть? Шампанское? – облизнулся красавец.

– Есть, – я приподняла бутылку, и на руку прицепились белые крылья.

– Здорово. Вы точно или маньяк, или ангел.

– Вы уж как-нибудь решите для себя.

– Проверю экспериментальным путём, – заявил мистер-фаталист и откусил сэндвич.

Глава 3

Если день, когда понимаешь, что твой дом, твоя собака, твой диван, телевизор, спортзал и гараж, твои дети, твоя горничная и даже твой холодильник тебе больше не принадлежат, выпадает на восьмое марта, то желание придушить бывшую кажется единственно верным. Чтоб не мучилась, когда ты доберёшься до пристройки с режущими инструментами и лопатой.

Ведь несмотря на новый штамп в паспорте, официально подтверждающий твою свободу, эта стерва считает своим первым и единственным долгом – выдолбить тебе мозг претензиями и рассказать, что уже всем знакомым рассказала, какой ты гад.

Но, чёрт побери, ты свободен! И мечтаешь отключить телефон, развалиться на диване, посмотреть футбол, а лучше бои без правил и накачаться пивом с друзьями! Ты теперь холостяк, и имеешь полное право даже с утра!

Но тут снова оно – мерзопакостное восьмое марта... И друзья поголовно заняты улаживанием своих половин. Единственный свободный кореш укатил на Бали с новой девушкой. А тебе надо поздравить маму и бабушку, делая вид, что всё в порядке.

За возникшее раздражение испытываешь чувство вины, потому что мама – это святое. Она не виновата, что пять лет назад ты женился, как кретин. Кстати, она сразу сказала, что Елизавета ей не нравится...

Но сегодня мне ничего не оставалось, как привести себя в порядок, сесть в машину и отправиться за цветами и обещанным родительнице сюрпризом. Впрочем, никакой это был не сюрприз, мама их не любит. Она вообще молодец: без намёков, прямо в лоб говорит, что ей нужно, где взять и когда привезти. Не то, что с Лиз мучиться – понравится ей очередной шедевр ювелира или просто на карту денег перевести.

Мои парни поздравляют меня и говорят, что завидуют холостяцкой жизни, но я пока не уверен, есть ли, чему радоваться. Мозг по-прежнему клюют, от всех этих дам с ожидающим взглядом уже воротит, а в холодильнике пусто.

На работе я ем, но сегодня для секретаря тоже оно, восьмое марта! Чтоб этой Розе Люксембург с Кларой Цеткин в аду было так же хорошо, как мне!

Снова с утра названивала Лиза – ведь знает, стервозина, что я не имею права выключить служебный телефон, потому что мне в любой момент может позвонить Национальный директор из Нью-Йорка. А она, видите ли, мне список требований по ВатсАпу прислала. И по Телеграмму, а я не прочитал.

Я припарковался и с отвращением смотрел на тётки, радостно порхающих с букетами или без, но с видом, что ты им должен. Забубенный и злой, я сначала и не обратил внимание, кто сел в машину. Какое-то светлое пятно с кошёлками. Зачем она мамин адрес назвала, тоже не понял, – вроде я не знаю?

Потом выяснилось: не ту подхватил. Здравствуйте, приплыли. И только тогда я обратил внимание на то, что сидело рядом, точнее на кого – глаза большие, рот призывный, ресницы порхают туда-сюда удивленно, белокурые кудряшки и любопытный нос. Я даже не задумался, что там под розовым, пушистым пальто и голубым шарфом, потому что обалдел.

– Улыбнитесь, – говорит мне она.

Сейчас!

А она будто вчера на свет родилась: глаза светлые, голубые-голубые, почти прозрачные. Дождь пошёл, а в них небо так и продолжило отражаться. Эффект отложенного кадра. И улыбка на пол-лица. Шея и щёки нежные – аж коснуться захотелось, чтобы убедиться, что на ощупь они тоже шёлковые...

Но я быстро взял себя в руки: стоп! Она ещё ребёнок, вся в иллюзиях, позитиве и солнечной цыплячести, а мне сорок. Я старый, уставший и злой. Мне нужен футбол, диван и тишина перед рабочей неделей. А эта болтает без умолку...

Если бы не пробка, уже бы давно довёз, высадил и забыл. Но она продолжала сидеть рядом, светиться без спросу и смешно морщить нос, набирая что-то в телефоне. Даже на предложение заткнуться не обиделась. Хотя для женщины это самое страшное оскорбление.

Дождь прекратил, мы продвинулись на полтора метра. Пробка не рассасывалась – впереди я заметил аварию. Не серьёзную, но пара авто и выкопанная по центру яма надёжно перегородили проспект.

Смотреть больше было не на что. Я стучал пальцами по рулю и скашивал на непрощеную пассажирку глаза. Что-то в ней было. Изыщная, как балерина, но те всегда держатся прямо, будто линейку проглотили, а эта устроилась на пассажирском сиденье, растеклась по-кошачьи и даже ногу под себя подсунула. Как у себя дома. Она хоть понимает, что нельзя быть такой трогательной? Тем более рядом с незнакомым мужчиной? Сказать ей, что ли? Да нет... пусть сидит. Хоть что-то приятное.

Я пялился на нимфу в кресле, одним глазом отмечая уведомления от Лизы, в которых мне сообщалось, что я подонок, сволочь, гад и отнял пять лучших лет её жизни, потому что не собираюсь оплачивать месячный тур на Гоа. Незнакомка рядышком продолжала улыбаться. От всего этого я переполнился диссонансом и не выдержал первым – пусть скажет!

– Чего вам всем, женщинам, надо?!

Может, у неё ещё есть шанс не превратиться в Елизавету? Та тоже была красавицей и вполне милой. Сначала.

– Ничего! – удивилась нимфа, а затем радостно заявила: – Умрите с утра!

Вот тогда в голове всё сошлось. Я с полным удовлетворением понял, что у неё не все дома.

Потому без зазрения совести съел предложенный сэндвич, нагло попросил другой. Мне выдали сверху ещё и конфеты, и я расслабился. Спросил:

– А зачем вам крылья?

– Буду приглашённой феей, – ответила она. – Меня попросили девчонки.

– У вас карнавал по случаю праздника?

– Спектакль. В детской театральной студии на английском.

– Вот я так и знал, что вы с детьми как-то связаны.

– Ага, – весело заявило это создание. – Я с ними дружу.

Точно ненормальная.

Она стянула шарф и расстегнула верхние пуговицы пальто. Мой взгляд скользнул по тонкой шее вниз. Чёрт, а дальше не видно. Тем любопытнее.

Я снова себя одёрнул и напомнил, что уже старый. Если ей правда двадцать пять, то когда я кубок по плаванию в Чемпионате России среди юниоров выиграл и лишился девственности, она как раз родилась. Зашибись! Называется, почувствуйте себя Гумбертом Гумбертом².

Незнакомка поменяла позу, полы пальто распахнулись, и я увидел хрупкие колени, обтянутые тонким чулком. Я тут же выдохнул и отвернулся. Она хоть понимает, что я живой мужик?! Нет, не понимает. Она ребёнок и дружит с детьми... Мда.

– Я вообще считаю возраст условностью, – заявила она, будто издеваясь. – Моей подруге сорок, и я дружу с её сыном, которому четырнадцать. Он, кстати, в этой театральной студии и занимается.

– И что за спектакль? – кашлянув, поинтересовался я.

² Персонаж повести В. Набокова «Лолита»

– “Christmas at Zoë»³, про очень скучную супружескую пару и то, как им не дают скучать.
– Как бы совсем не Рождество, – заметил я, решив, что друзья у неё такие же ненормальные.

– Зато пьеса весёлая. Мы её чуть-чуть переделали под восьмое марта.

– Рад за вас.

Интересно, почему она решила, что я добрый? Вот в смсках мне только что написали, что я жадный козёл. Чтоб я ещё раз влюбился! Нет, спасибо.

Девушка рядом расстегнула пальто полностью. Я краем глаза отметил воздушное платье и приятные контуры груди. Да, для образа феи хорошо подготовилась. Я выключил печку и открыл окно – пусть замёрзнет.

Но она, наоборот, распахнула пальто и развернулась ко мне:

– Как по-вашему, мы до семи вечера успеем добраться до клуба?

– Смотря где клуб.

– Там, куда вы изначально меня везёте.

У моей мамы?!

Я изогнул в изумлении бровь, но затем вспомнил, что с обратной стороны маминого дома открылось заведение, по поводу которого мама возмущалась и просила меня написать мэру. Я кивнул и не написал, потому что это были наши клиенты. С сетью клубов «Barton Blue» у моей компании “Карлоффс» заключён контракт на эксклюзивную продажу элитного алкоголя. И хозяина я знаю.

Забавно тасуется колода...

Я снова взглянул на свою пассажирку. Она улыбнулась и протянула мне пакет и бутылку шампанского.

– Мне жаль, что ваша мама осталась без подарка. В смысле, без парикмахера. Пусть ей это будет в качестве компенсации.

Похоже, она собирается захватить своим сиянием всё пространство. И позитивом. Это уже чересчур, но вежливость никто не отменял.

– Спасибо. Не стоит.

– Берите! Видите, сколько у меня подарков? – Она мотнула кудряшками в сторону пакетов на заднем сиденье. – Один запасной.

– Да мне повезло, – хмыкнул я. – А часом колесо на замену вы с собой не носите?

– Нет, я безлошадная.

– Не умеете водить?

– Умею, но ещё не разорилась на что-нибудь типа вашего.

Я подумал о красном кабриолете Мини, который подарил жене летом. Да-да, жадные козлы так и делают...

– Можно что-нибудь поменьше.

– Вот да! Скутер мне как раз подойдёт, – рассмеялась незнакомка. – На нём я бы уже давно объехала пробку.

Смеялась она так звонко и заразительно, что уголки моего рта сами растянулись. Есть люди, которые созданы для того, чтобы смеяться и порхать по жизни легко, как бабочки. Без забот и крупных обязательств. Проблемы тоже их стороной обходят. Среди моих знакомых таких нет. А жаль...

– Кажется, что вы никогда в жизни не плакали, – вырвалось у меня.

– Да нет, всякое бывало, – ответила она.

Дождь пропустил внезапно, затарабанив по крыше и окнам так, словно стремился пробить каплями насквозь. За лобовым стеклом стало темно, будто наступила ночь. Я бросился

³ Пьеса Дмитрия Королёва.

поднимать стекло возле себя, но всё равно рукав пиджака безбожно промок. Я чертыхнулся, включил печку и стянул его, оставшись в одной рубашке. Гроыхнул гром. Моя пассажирка вжала голову в плечи, как испуганная кошка.

– Страшно, да? – и тут же добавила с энтузиазмом: – Обожаю грозу! В марте ещё молний не было на моей памяти!

Я удивился.

– Как вы это делаете?

– Что? Грозу боюсь?

Она пошевелилась, платье приподнялось, мой взгляд упал на круглую коленную чашечку. Будто из фарфора... Фары машин на встрече осветили её так, словно она сидела на сцене и играла роль в каком-нибудь музыкальном водевиле. Я снова подумал о сексе и Набокове. А что если... в конце концов, я свободный, взрослый... Нет, чёрт! Надо срочно заговаривать себе зубы.

– Как вы так радуетесь всему?

Она пожала плечами. Помолчала немного с самым загадочным видом, потом её алые губы, которые уже захотелось попробовать, растянулись в улыбке, и я услышал:

– А и ладно! У нас с вами эффект поезда. Я вас никогда больше не увижу, и вы меня тоже.

Так что расскажу. – Она сделала паузу и с придыханием выдала: – Не так давно я почти умерла.

– Да вы что! – Я мигом растерял желание подшучивать над ней, как и мысли о сексе.

– Да. Во время обследования в больнице мне сказали, что мне осталось жить от силы пару месяцев.

Я расширил глаза и похолодел.

– Вы умираете?

– Нет, – мотнула головой незнакомка. – Через неделю выяснилось, что в больнице ошиблись и выдали мне результаты однофамилицы. Я оказалась совершенно здорова, если не считать ангины.

У меня от сердца отлегло.

– Слава Богу...

Она взглянула на меня с любопытством и добавила:

– Но вы можете себе представить, какая у меня была неделя.

– Даже не знаю, что делал бы на вашем месте. Это очень грустно.

– На самом деле сначала тяжело. Потом стало весело. Потому что я решила делать всё, что откладывала. И не делать всё, чего не хочется. Выкинуть всё не нужное. Я позволила себе роскошь общаться, с кем хочу. И, знаете, иногда мне кажется, что эта ошибка с анализом – самый большой подарок в моей жизни.

– Оттуда и принцип «Умри с утра»? – догадался я.

Она кивнула, встряхнув золотыми кудряшками.

– Ага. Когда понимаешь, что этот день тебе подарен, досадно тратить его на ерунду.

– Оказывается, вы очень рациональны.

– Но многие думают, что я куку-муму... – расхохоталась она, искристая, как облачко света в окружающей тьме.

Мне стало стыдно: я – не исключение. А моя собеседница сделала хитрые глаза.

– Ну, теперь ваша очередь.

– Для чего?

– Принцип поезда, забыли? Я вам рассказала свою большую тайну. Теперь ваша очередь.

Ведь мы больше никогда не увидимся.

Она подмигнула, а я почувствовал крайнее несогласие с её последними словами.

А, может, лучше принцип самолёта? В аэропорту я постоянно вижу одни и те же лица...

Глава 4

Я тотчас понял, что именно на это лицо мне очень хочется ещё посмотреть. Красивое не по канонам. Пропитанное солнцем изнутри. Хотелось прямо сейчас разглядывать и не отрываться. Столько в нём было детской игривости, настоящей женственности и тонкой сексуальности, что я сказал:

– А вы уверены, что мы не увидимся?

– Точно-точно! Абсолютно уверена! – весело заявило чудное создание. – Я вам даже имени своего не скажу, а вы мне! В крайнем случае можно соврать, как попутчику в купе. И потом подумайте: как такси я вас больше не вызову – тем более, что нынче на Порше не возят... Боже, я даже не думала прокатиться сегодня на Порше, для меня это было просто название в журнале – без образа, но с кучей нулей. Кстати, тоже не представляю их число, да и не важно!

– И как, вам понравилось? – спросил я.

– О да-а. Понравилось всё, кроме пробки. Кресло очень удобное! Так вот, каким образом мы можем встретиться? Вы на Порше, я на маршрутке. А чаще всего пешком. Местами на роликах... У нас с вами совершенно разные полосы для транспорта.

Ах да, ролики... С этим словом я снова вспомнил, что она ребёнок, хоть и женственный, а я угрюмый хрыч, и мне к тёткам. Поэтому вздохнул и довольно мрачно ответил:

– Даже не знаю, какую вам тайну выдать. Коммерческую не имею права...

И тут УАЗ впереди нас двинулся вперёд. Одновременно с этим раздались нетерпеливые сигналы авто сзади.

Вот она, скорость мысли, света и реакции на лоха спереди ростовских автомобилистов! После них в Европе водить даже скучно: никто не подрежет, не обматерит, дороги хорошие, платные, полиция улыбается... Дурдом. Хорошо хоть в Нью-Йорке пожёстче. Скоро как раз туда лететь.

Сигнал сзади повторился, подхваченный вереницей других. Нетерпение – демон российских дорог!

Я включил «дворники» и нажал на газ.

– Ура! Мы едем! – обрадовалось создание и залучилось ещё ярче.

Интересно, а когда она спит, и ночника не нужно? Или достаточно приглушить одеялом на голову?

Она так обрадовалась, что мне стало даже обидно – не терпится послать к чертям незадачливого водителя со своим Порше и песком в ягодицах. Ну-ну.

Поэтому я выдал, не отрывая глаз от дороги:

– Особых тайн у меня нет. Разве то, что я собираюсь участвовать в Айрон Мэн совсем скоро. Но это даже и не тайна, имена участников скоро будут вывешены в сети.

Она ахнула с таким восхищением, что я всё-таки оторвался от созерцания дождя и дороги, и, довольный, сорвал взглядом девичье удивление.

– Вы о кино говорите? Как в комиксах Марвел? – всплеснула руками она.

Мда... Я усмехнулся: вот она – разница поколений и угла восприятия.

– Нет, – ответил я. – Супермена меня играть не приглашали. Я говорю о международных соревнованиях по триатлону: плавание в открытой воде, велогонка и бег. Но пока я буду участвовать в отборочном туре Ironstar. В Сочи.

– Так это же круто! И здорово! Вы спортсмен?

– Не похож? – позагадочней улыбнулся я.

Надеюсь, она не скажет, что меня, мол, пригласили в роли жюри, туда и хрычей берут... Но нет. Я с удовлетворением отметил, что она прилипла глазами к моим бицепсам под рубашкой. Затем к шее.

И пролепетала:

– Почему не спортсмен? Очень даже! Это ваша работа?

– Нет, я не профессиональный спортсмен. В этих соревнованиях участие принимать могут даже дворники. Главное – выносливость и скорость. Четыре километра в воде, сто восемьдесят на велосипеде. И марафонская дистанция в сорок два с половиной километра – для пробежки.

– Ого! Вот это да-а... Завидую вам! А я – дохлый лебедь второй свежести.

Я скосил на неё глаза, почти въехал в задницу неизвестно откуда вырвавшегося синего Пежо. Чуть не выматерился и прикусил язык в последний момент.

– Для дохлого лебеда у вас чрезвычайно цветущий вид, – заметил я.

Она засмеялась. А я подумал: и надо же так уметь смеяться! Как колокольчики зазвенели дружным хором. Вот у меня помощница, всем хороша: и сотрудник отличный, и человек неплохой, но смеется с такими звуками, будто лошадь издыхает. У Лизы смех, как у лающей болонки. У мамы – почти старушечий. Дети... оно и понятно – дети... А я вообще смеюсь редко. Но тут улыбнулся.

Приятно было произвести на неё впечатление.

– Какой у вас хороший секрет! – с придыханием, но без всякой лести сказала нимфа.

Кстати, я понял, что мне неудобно никак её не называть. Зачем она придумала этот дурацкий «эффект поезда», эффект салона Порше – самое то!

Интересно, какое у неё имя: Анжелика? Нет, пахнет старым кино и стриптизом. Светлана? Слишком просто для неё. Миранда? Хм, а чего это я Фаулза вспомнил с его маньяческим «Коллекционером»? Это всё скрытое желание секса. Уже и не очень скрытое. А она... – я снова глянул, – сидит и болтает ногой а ещё с рекордной скоростью, как нынче подростки, набирает пальцем сообщение в телефоне.

Я вспомнил о разнице в возрасте и о том, что когда она ходила пешком под стол, я уже школу заканчивал. С медалью. Стало тошно.

– Сложно, наверное, после развода? – почувствовав моё помрачневшее настроение, спросила притихшим голосом фея.

– Нет, – буркнул я. – Я сам был инициатором.

Мы остановились на светофоре. Впереди опять мерещилась пробка, потому я перестроился на первую полосу, чтобы объехать задворками новое столпотворение и уже поскорее закончить цирк, в который я зачем-то поверил. Видимо, не вынося молчание как факт, нимфа снова заговорила.

– Это неприлично, конечно, но можно спросить, почему вы так решили? Хотя простите... не моё дело. – Она покаянно замотала кудряшками. – Моё ужасное любопытство не доведёт до хорошего. Извините ещё раз...

– Да ладно! Эффект поезда, вы забыли? – снисходительно бросил я, объезжая очередную ямку на дороге меж монохромных кустов без листвы, старых пятиэтажек, киосков, грязных газонов с редкими проплешинами пережившей зиму травы.

Показать ей, что несчастен? Да ни за что!

– Я подал на развод, потому что понял, что дальше жить так нельзя. Нет, вы не думайте, мы обошлись без измен и прочей банальщины.

– А что же... – тихо спросила она. – Ушла любовь?

Я молчал, сосредоточившись на том, чтобы не угодив в очередную рытвину, вырвать по Профинтерна мимо парка. По нему несмотря на дождь, бегали весёлые дети с собакой, как пёстро разлитые краски на тёмном, скучном фоне, и степенно гуляли двое преклонного возраста под чёрным зонтом. Символично...

Рассказывать про некрасивые стороны семейной жизни этому солнечному чуду не хотелось. Зачем ей знать, что бывает скандал на завтрак, обед и ужин? Что можно испытывать

облегчение, когда уезжаешь в командировку? Что задерживаешься на работе, лишь бы не идти домой, и покупаешь туры на Бали половине, чтобы провести в спокойствии вечера? Нужно ли ставить её в известность, что можно жить с ощущением, что тебя постоянно хотят взять в тиски и выжать, как апельсин, до последней капли сока... И все твои порывы расти и развиваться поднимать на смех и нещадно критиковать.

Да, пожалуй, лишь с годами понимаешь, что дома хочется иметь друга, а не только красивую любовницу с хорошим вкусом. А ещё ты приходишь к выводу, что жадность убивает даже страсть. А жизнь – потому что привык, а любви нет, только бытовое удобство, – превращается в сплошной товарно-денежный обмен.

Нет, я захотел большего. Или, по крайней мере, не такого.

Я снова отвлёкся от дороги. Встретил сочувствующий взгляд сияющих глаз. Показалось, что она не глупа и поняла бы. Но обо всём этом говорить не стоило. Как сказал Толстой, «все семьи счастливы одинаково», а несчастливы разнообразно. Ну, или где-то так...

Возможно, у такой улыбчивой девушки с перевешивающим позитивом всё будет иначе: романтика, любовь и утром совместная пробежка. Да, она наверняка будет счастлива. Должна.

Потому я ответил коротко:

– Просто я считаю, что в частной жизни, у себя дома я имею право быть не на войне. В этом наши взгляды с бывшей супругой разошлись.

– Сочувствую.

– Лучше поздравляйте! – с подчёркнутым задором подмигнул ей я.

– Тогда поздравляю, – чуть громче зазвенел её голос. Да, точно, она снова разулыбалась. – Вы молодец. Прямо, как у Хайяма: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало».

Мне стало приятно. Вообще все мои близкие радовались факту развода и говорили: «Слава Богу! Наконец-то! И долго же ты ждал! Ты сделал это! Молодец», поздравляли больше, чем когда я победил чемпионат или окончил университет с красным дипломом. Но вот так, стихами, к тому же настолько в точку не отозвался никто. Я понял, что завидую тому парню, с которым будет эта девушка.

Чёрт! А зачем завидовать?! Почему это не могу быть я?!

И вдруг раздался саундтрек из Терминатора – позывной на Елизавету. Когда она однажды услышала свой рингтон, чуть не убила меня. Но из песни слов не выбросишь. А сейчас мне впервые за долгое время стало легко. Я хмыкнул и пояснил пассажирке:

– Так судьба стучится в дверь.

– Это она?

– Угу.

Я оставил бывшей жене и её детям всё, вообще всё, кроме этого автомобиля, своих пиджаков и старой дедовой квартиры, но, кажется, имущество в зачёт не шло. Дом, вещи, гаджеты, накопительный счёт в банке Лиз не удовлетворяли, она хотела именно мой мозг. Как зомби из романа «Тепло наших тел», для которого серое вещество – самое вкусное.

– Не возьмёте?

– Нет.

С облегчением и изумлением понял я. Брать трубку не обязательно. Как и чувство вины за решение о разводе – тоже испытывать не обязательно. В конце концов, она ни дня не работала за эти пять лет. Да я и не жаловался, я сам могу заработать столько, что всем хватит. Но однажды я просто понял, что задохнусь. Не проснусь рядом с ней или в один из чудесных семейных вечеров меня хватит Кондратий в обнимку с инфарктом, как бы я спортом не занимался.

Я посмотрел на светящееся чудо рядом. Она не осуждала, кажется, наоборот. И в душе у меня прояснилось окончательно. Да и тучи на небе разошлись, урезав ливень, как маэстро марш.

Без зазрения совести я отбил звонок, вернувшись из-за аптеки времен не сбывшегося коммунизма на проспект Стачки. Впереди высился мамин дом и тот самый клуб, отделанный чёрным, как похоронное бюро.

– Вот мы и приехали! – радостно известила меня нимфа, а я понял, что дурак. Надо было ехать через Москву.

Я припарковался у входа и сказал:

– У вас слишком много сумок, я помогу донести.

– Спасибо! – обрадовалась нимфа.

Я набросил полумокрый пиджак, дверь перед ней раскрыть не успел – она уже выскочила на улицу, запахнув пушистое пальтишко. Досадно. Я бы подал ей руку... Хотелось к ней прикоснуться хотя бы так.

Фея оказалась высокой, всего на пол головы ниже меня. Мы обменялись улыбками. Я извлёк с заднего сиденья бесчисленные пакеты. В одном из них что-то булькнуло, в другом зашелестело, в третьем бряцнуло. В четвертом... я даже не смог идентифицировать этот звук. Надеюсь, там не лягушки в банке.

И ещё я подумал, что спектакль про то, как очень скучной паре не дают скучать такие, как это чудное создание, – должен быть, наверное, весёлым. Я бы посмотрел.

Нагруженный, как верблюд, её сумками, я подвёл нимфу ко входу, двери разъехались на фотоэлементах. Чёрная пасть сетевого клуба готова была сожрать солнечное чудо и спрятать его от меня в своём чреве. Нет, не хочу.

– Давайте, наконец, познакомимся, – улыбнулся я, намеренно не отдавая ей сумки.

– Так мы испортим весь эффект поезда. И будет нечестно, – рассмеялась она, сияя голу-бизной прозрачных глаз.

Мне ужасно захотелось её поцеловать.

– Да плевать на поезд! – вырвалось у меня.

И вдруг из-за её спины вырулила стайка детей: все почти подростки, в джинсах, только пара девочек в платьях. Они обступили нимфу и принялись радостно здороваться. Нимфа тоже, причём сразу на двух языках, легко орудуя английским и также запросто переключаясь. Она даже «дала пять» паре пацанов, как настоящий дружбан, и никто не удивился. И я тоже, ведь оттого она делалась ещё естественней и милее. Не могу представить, чтобы Лиз вот так по-свойски общалась даже со своими детьми...

– Ребят, забирайте у человека сумки, несите тёте Вале и Диме! Скорее! – скомандовала нимфа.

С пакетами пришлось расстаться. И наступил неправильный момент.

– Всё-таки скажите, как вас зовут, – сказал я. – И я тоже должен представиться, меня...

– Не надо.

Я осёкся. Ну да, на кой я ей? Мужик на пятнадцать лет старше, судя по виду, так и больше. Но её глаза были напротив, светлые волосы развевались в освещенных фонарями прохладных сумерках, из-под пушистого пальто и небрежно наброшенного шарфа пробивалось воздушное платье. Видимо, она мне просто была послана, как напоминание, что феи существуют. Пусть и не для старых жадных козлов с остатками порядочности, но как факт.

– Спасибо вам! – сказала фея, именно это и имея в виду. Я даже кожей почувствовал благодарность – мурашками и чем-то объёмным.

– Не за что, – пожал я плечами, чувствуя странную, почти мальчишескую неловкость.

На чувственных губах чуть большеватого рта появилась лёгкая улыбка.

– Вы меня очень выручили! Вы добрый...

«Но старый», – додумал я и, кажется, нахмурился.

– И классный! – добавила девушка без имени.

Я моргнул, а она вдруг шагнула ко мне, приподнялась на носочки, и я ощутил нежное малиновое тепло на своих губах. Касание. Внезапная сладость.

Все шаблоны в голове рухнули одновременно. На их место взвилась радость. И возбуждение.

Я потянулся вперёд, стремясь захватить всю её прямо сейчас. Руками, телом, собой.

Но фея подалась назад, с блуждающей улыбкой мотнула головой. Развернулась. И упорхнула за двери клуба, ничуть не думая, что ошарашила меня посильнее разряда шаровой молнии.

Через несколько секунд я вспомнил, что надо вздохнуть.

Каблучки беглянки ещё цокали по мрамору. Я бросился за ней. Чёрный коридор, лабиринты направо, налево. Я был в этом клубе только раз. Чёрт, куда она исчезла?!

И, наконец, пятна света. Я выпал в заполненный детьми и людьми холл. Тут царило оживление, гул, суета. Кто-то переодевался, кто-то смеялся, кто-то читал текст и что-то показывал.

Моя фея стояла с ангельскими крыльями в руках рядом с каким-то парнем и девушкой. И улыбалась им, особенно ему. Я застыл, понимая, что меня сюда не звали. Но чёрт меня побери, внутри уже что-то включилось, забурлило, словно в тёмной комнате жажнули светом, я даже ослеп от внезапной яркости. Всё размылось от непривычки. И оторвать взгляд от солнечного чуда я не мог. Так же, как и уйти.

В моей руке снова зазвонил телефон. «Терминатор», о-о-о... Я поспешно отбил звонок.

Нимфа обернулась, я сделал движение к ней, но она покачала головой отрицательно. Как очень взрослая женщина лишнему здесь мужчине. Я прочёл в её глазах просьбу.

Ну хорошо, я понял. Не дурак.

Я склонился к пацану, зубрящему с бумажки текст, и спросил:

– Во сколько заканчиваете?

– В девять, наверное.

Я поднял глаза, она всё ещё смотрела. Взрослая девочка с подсветкой изнутри.

Я кивнул ей, прощаясь, развернулся и пошёл к выходу.

Хорошо, у неё есть два часа, чтобы побыть с друзьями, у меня есть два часа, чтобы поздравить маму. А потом я хочу ещё солнца!

Глава 5

Поначалу глаза Мистера Мрачность были, как фары поезда в детской загадке: то потухнут, то погаснут. А взгляд говорил недвусмысленно: «Пожалуй, взорву мир. Достали!». Но чем сильнее красавец сердился на меня, на дождь, на пробку, на телефон, из которого так и рвалась в нашу реальность кровавая терминаторша в шубах, тем больше мне хотелось его растормозить.

Я по натуре ужасно противоречивая личность! Потому меня несло, как гоночную машину по серпантину Монте-Карло. Я отмечала, как маленькие победы: о, усмехнулся! Ура, ещё раз! А это был намёк на улыбку. Бабац, он засмеялся! И какой у него оказался приятный бархатистый смех! До мурашек...

Я была готова бить в барабаны марш победы, как вдруг мистер-больше-не-мрачный развернулся ко мне, притормозив на светофоре, и глаза его оказались вовсе не асфальто-серыми, а голубыми. Очень яркими. А во взгляде мелькнуло нечто такое, что заставило меня натянуть платье пониже и сесть поправее.

Вот говорит же папа, что я всегда с мужчинами кокетничаю, хотя на самом деле я даже не думаю об этом. Ну, только если самую капельку... Что поделаешь с собственной природой?

Безымянный красавец мне очень нравился. Как секс-идол с обложки, который не может не нравиться. А вот ко мне табличку с надписью «Звезда года» не приделаешь – ни к макушке не прибьёшь, ни в руки не всунешь, как волонтерскую перчатку на Чемпионате мира.

И я точно знаю, что мы с ним из разных весовых категорий. Я об этом сразу честно сказала: дорожки Порше и скутера не пересекаются. А если и пересекаются, догадайтесь, кто всмятку? Вот то-то же.

Совсем недавно я снова убедилась, что мужчины после разрыва способны чудить, а после развода и подавно! Горячие поцелуи, страстный секс, а потом всё, ты уже в его жизни не существуешь – на горизонте другие перспективы. Он в новом баре, клубе, на сайте знакомств с подсознательным лозунгом: «Йу-хууу, я свободен, девчонки, все сюда!» А в это самое время ты выметаешь из-под кровати, выковыриваешь из ушей и вытряхиваешь из волос лапшу марки «Серьёзные отношения». Он их обещал, и ты именно на них и настраивалась.

У красавца напротив всего три дня «вольной», если не врёт, и, кажется, он прямо сейчас осознал, что самое время устроить разгул, судя по чёртикам в глазах и заявлению:

– А почему это мы с вами не встретимся больше? К чёрту поезда, купе и прочие спецэффекты!

Очень уверенно и безапелляционно заявил.

Между прочим, это я такое правило придумала, мне и отменять. Или нет.

Я решила, что нет. Я уже выросла из иллюзии, что ради одной ночи, одного взгляда, одного поцелуя можно разбить себе сердце, а потом хоть трава не расти. Нет уж, дудки! Я в своей личной жизни хотела и траву, и цветочки, и парк с прудиком и двумя лебедями.

А одну незабываемую ночь я лучше проведу в обнимку с подушкой и высплюсь, вместо того, чтобы возвращать в себе комплексы и терзаться, почему он второй раз не позвонил.

Ведь не позвонит же, интуицию не проведёшь!

Поэтому я выскочила из машины у клуба “Barton Blue”, обрадовалась ребятам из драмкружка и всучила им пакеты с реквизитом. Напоследок я всё-таки не удержалась. Может, оттого, что Мистер Неизвестность опять погрустнел, и в моей душе стало как-то неправильно – наверное, так чувствует художник, который старательно рисовал улыбку на альбомном листе, и она получилась яркой, хорошей, настоящей, но вдруг пошёл дождь, и гуашь потекла струйками с белой бумаги.

В качестве спасения «улыбки» я его и поцеловала. Быстро, как французы при расставании со своими «бизу-бизу». И сбежала. Потому что несмотря на все убеждения и прекрасно выстроенные логические цепочки губы Мистера Элегантность оказались нежными и вкусными, у меня даже голова закружилась.

* * *

Самое лучшее место, где можно спастись от иллюзий, – детский театр! Вокруг такой галдёж, что не до смятения – собственных мыслей не слышно.

– Крылья? Где крылья?! – встретила меня Валюха с вытаращенными глазами, обведёнными стрелками а ля индийская танцовщица и с разноцветными блёстками по всему лицу. Фея, между прочим, а не хухры-мухры!

– В пакете с цветочками, – ответила я. – Вон он, у стены.

Ко мне подскочил Костик, наш чудо-режиссёр, стройный, лысый, страшно симпатичный и с пронзительными глазами Гамлета, узревшего призрак отца. У него всегда такие глаза. Думаю, он высматривает ими Музу, чтобы ухватить её за хвост и записать новый сценарий для пьесы. Или стихи. Кстати, у него хорошие стихи!

– Рога взяла? – спросил он строго.

Перед спектаклем он всегда волнуется.

– А что, Василина ещё тебе не наставила? – хмыкнула я. – Как не заботливо с её стороны!

У Костика вытянулось лицо, а мы дружно рассмеялись.

– Не бойся, есть тут про запас. Для чёрта всё в первую очередь!

– Между прочим, я решил, что это будет не чёрт, а дьяволица... – хитро улыбнулся Костик. – В честь восьмого марта.

– Угу, все мы тут такие, – пробормотала Валюха, залезая в пакет. Извлекла перистое нечто и заорала пробегающему мимо упитанному шестикласснику Грегу: – Отнеси это Люсе беленькой, только не перепутай! Не той, что в памперсе и чепчике!

Дурдом в режиме реального времени...

– Мари, ты выглядишь сегодня потрясающе! – подпорхнула преподавательница немецкого Жанна с двумя косичками на голове, в широкой клетчатой юбке, гольфах и с бюргерским передничком. – Даже для стюардессы из Парижа – супер шик!

– Костик всё переиграл, – сказала я. – Стюардессу будет играть Женечка, а я Мэрилин Монро. Не похоже? – Я развернула юбку-солнце.

– Роскошно просто! Очень похоже!

– Но ведь по сценарию не было Мэрилин Монро! – влезла Валюха.

– Я переделал, – заявил важно Костик. – Не будем же мы повторять точка в точку зимнюю пьесу?

Я почувствовала взгляд, подняла глаза и вдруг увидела у входа его!

Лицо у красавца было ошарашенное. Впрочем, такое у многих бывает, кто впервые оказывается в гуще предпоказного ажиотажа, когда все вокруг искрят сумасшедшинкой, входят в роль и просто гойдают туда-сюда, обмениваясь репликами из сценок, прикалываясь друг над другом и хохоча. Среди всего этого театрального хаоса, взбитого смузи из русской и английской речи, текстов песенок и париков очень странно было видеть совершенно нормального мужчину. Красивого, элегантного, в пиджаке и с причёской, далекой от взрыва. Он сделал шаг ко мне.

Костик спросил:

– Шампанское не забыла?

Я мотнула головой, неотрывно глядя на Мистера Нормального и ещё чувствуя его губы на своих губах. С ума сойти! Он пошёл за мной?! Настойчивый однако...

И он, видимо, опомнился. Развернулся и пошёл обратно к выходу.

Да, так лучше. Или догнать? Ох...

Я уже раскрыла было рот и сделала шаг, как меня развернули на сто восемьдесят градусов, и я увидела фотографа Руслана, широкоплечего стильного блондина.

– Привет, Мари! Я тебе машу-машу, а ты ноль внимания. Или мне нужно стать Кеннеди, чтобы мисс Монро меня заметила?

Я глянула в карие глаза и улыбнулась:

– Привет.

На упрёки, даже шуточные я не реагирую, потому что к себе не отношу. Если что-то кому-то не нравится, это же не моя проблема...

Рус фотографирует все мероприятия нашего центра иностранных языков «Ватсон-Клуб» с тех пор, как его нашла организаторски активная Валя. В свои двадцать восемь у Руслана Торцова уже признанное имя, своя студия, очень модная и дорогая, но с тех пор, как в английский драм-кружок ходит его племянница, Валя умудрилась договориться про бартер.

А на этот спектакль мы даже билеты продали, причём не только друзьям и родственникам. Растём!

– Марианна, ты мне сегодня особенно нравишься! – с интригой в глазах сказал Рус.

– Ну так сфотографируй для истории, – рассмеялась я.

– С удовольствием. Давай-ка, залезай на эту тумбу, – подмигнул Рус, прицеливаясь на меня с камерой в руках. Затем обернулся и крикнул в толпу: – У кого был с собой фен? Подуйте на нашу звезду!

– Обойдётся без ветровых эффектов, – хмыкнула я.

Рус мотнул головой.

– Никак не обойдётся. Ну, где фен, guys⁴?

Что только не придумает, чтобы заглянуть мне под юбку...

Кто-то из глубины зала голосом Деда Мороза ответил:

– Несу.

А Руслан придвинулся ко мне, уже влезшей на своих безбожных каблуках на тумбу в виде чёрного куба, и посмотрел снизу вверх с видом искусствителя. Кажется, он думает, что его зовут Джон Бог Джови... По крайней мере, несёт он себя по миру соответственно, потряхивая художественным беспорядком в светлых волосах, гордый собственной статью и лицом рок-певца.

Нет, он и правда очень даже ничего, но как по мне, ужасно приставучий и самоуверенный. И зачем я в прошлый раз дала слабину и согласилась сходить с ним поужинать? Было мило, но приторно. Мне кажется, всегда чувствуешь химию, если что-то в человеке тебе откликается. А с Русланом всё молчало. Не химия, а ровная «линия смерти» на мониторе. Но у него, видимо, был какой-то свой монитор...

– Все боялись, что ты опоздаешь. И почему ты не попросила подбросить меня? – промурчал он.

– А? – я притворилась подглуховатой.

– Я бы тебя подвёз! – гаркнул он, перекрикивая всеобщий ор.

– Такси – удобная штука! – прокричала я в ответ.

– Со мной бы ты не попала в пробку...

– Ты на вертолёте?

– Почти.

– Здорово, а я думала, что Опели с пропеллерами не выпускают.

⁴ Парни.

– Хм... погоди, ты ещё удивишься. После спектакля обязательно. Отметим же где-нибудь?

– Все вместе?

– Ну зачем? – ошупал меня глазами Рус. – Место есть только для тебя. Я уже заказал столик в одном очень хорошем месте. Восьмое марта можно считать продолжением четырнадцатого февраля, и это праздник для двоих.

– Я больше люблю компанию, – заявила я.

– Замри! Вот так да, свет идеален! – Руслан Торцов как всегда не услышал то, что не хотел слышать, и значит, не оставит меня в покое весь вечер.

И вдруг голос Кости из динамиков заглушил суматоху:

– Время! Time! Все за кулисы! Прогоняем всё от и до! One-two-three...

И понеслось.

Подростки Тоня и Вадик, в рубашках, застёгнутых под горло, бледные и правильные, какой и должна быть самая скучная папа в мире, уселись на стулья посреди сцены. Восьмое марта вместо Рождества. Атака фей в блёстках и с палочками. Канкан стюардесс. Нашествие мультяшных персонажей. Симпсоны и Губка Боб. Не обошлось без звёзд. В том числе и меня.

– I wanna be loved by you, just you, nobody else, but you⁵... – кокетливо играя плечами, пела я сексуальным голосом, песенку из комедии «В джазе только девушки».

Один раз, другой... Да, по сценарию Мерилин «заело»... В третий девчонки, сговорившись, подсунули мне под юбку фен, и эффект Мерилин получился самый что ни на есть настоящий – я ловила юбки, взгляды, смех, аплодисменты и смущалась. Хорошо, что с освещённой небольшой сцены было не видно лиц зрителей в темноте. «Очень скучный муж» упал в обморок, «очень скучная жена» погналась за мной с мухобойкой. Я с кучей американских междометий убежала от неё по сцене и вылетела за кулисы живая и весёлая. Но там меня поймал Руслан и сказал:

– Только ты и я. Будет потрясно! Мари, я не могу дождаться этого чёртового финала!

– Пожалуй, нет, – ответила я, оборачиваясь. – Я планирую остаться с ребятами.

– Возражения не принимаются! Столик заказан. У меня есть для тебя подарок... – возбуждённо шептал Руслан.

И я поняла, что проще сбежать, чем отказаться в двадцать пятый раз. Отбиваться при всех тоже не хотелось. До окончания спектакля оставалось десять минут. Моя роль была отыграна, на поклоне нас будет столько, что зрители отсутствия одной единственной Мерилин не заметят. Я нашла Валюху за сценой и шепнула ей, что мне срочно надо домой.

– А праздновать? – удивилась подруга.

– Жду вас всех завтра у себя. Булочки и пончики съедите без меня. Конфеты достань, они в пакете с бабочками. И шампанское.

– Ну давай, детка! Если надо...

– Очень.

Я подумала, что поищу другого фотографа на следующее мероприятие.

В узкой гримёрке, забитой сумками, вещами и пахнущей пылью, я быстро переоделась в футболку, кроссовки и джинсы. И запихнув в пакет платье, так предавшее Мерилин, выскользнула через служебный вход на улицу.

В лицо пахнуло весенней свежестью, запахом налившихся силой почек, травы и котов. Я перепрыгнула через лужу и, довольная собой, побежала к остановке. Весенний дождь подгонял меня, было хорошо и весело. Наш худой колобок и от дедушки ушёл, и от бабушки ушёл...

Однако ровно через десять минут меня ошарашило смской от Валюхи:

«Дорогая, а почему тебя ищет мой начальник?»

⁵ Я хочу быть любима тобой, только тобой, и никем кроме тебя... (англ.)

Глава 6

У мамы я сидел, как на иголках. Такого нетерпения я, пожалуй, не испытывал со времён, когда отец сказал, что мы пойдём за велосипедом в воскресенье, то есть... э-э... тридцать лет. Мне снова представилась в тарелке с оливье её солнечная улыбка и ветер в локонах. Мда, три десятка лет назад её даже в планах не было. Боже, а родители этой феи не могут быть моими ровесниками? Меня опять бросило в холодный пот.

– Сашенька, почему ты так смотришь в тарелку? Ты что, таракана там нашёл? – спросила бабушка, возясь в своём кресле. Ей девяносто, она теперь иссушенная копия себя, уменьшенная в два раза. Передвигается с парой палок в каждой руке, но не забывает надевать перстни, брошь на бант шёлковой блузы и красить губы, когда гости.

– Нет, что ты, бабушка! Помилуй, какие тараканы! Тысячу лет их не видел, – улыбнулся я. Если не считать те, что плодятся в голове моей бывшей...

– Ты что-то плохо ешь сегодня, – сказала мама, слегка обиженно поджав губы. – А я приготовила твои любимые котлеты.

Для моей мамы убить время на кухне приравнивается к подвигу, поэтому не оценить – равно обидеть. Зато она элегантна и привлекательна. Несмотря на возраст, до сих пор ходит в спортзал и тщательно следит за собой. Только в год после смерти папы она изменила своим привычкам, но потом рассердилась на депрессию и на то, что «превращается в развалюху», и снова взялась за себя. Я подарил ей круглогодичный абонемент в фитнес-клуб, и она пропадает там то в бассейне, то в сауне, то в тренажёрном зале, вызывая изумление у молодёжи. Ведь она совершенно не выглядит на свои семьдесят!

Мама называет меня поздним, и кроме меня её баловать некому. Моему брату сорок девять, и он живёт в Финляндии уже лет пятнадцать, а сестра в Москве. Занятая и занудная до ломоты в зубах бизнес-леди, отправившая детей учиться в Англию и считающая, что все должны заглядывать ей в рот и вести жизнь под копирку. В общем, ещё более мозгоедская личность, чем моя бывшая. Они терпеть друг друга не могли, но теперь, уверен, подружатся...

– Котлеты – объедение! Спасибо, мам! – Я чмокнул её в макушку и показательно положил себе ещё пару.

Мама доложила мне третью, чтобы было ясно – пока не съем все продукты её героической борьбы со сковородкой, мне из-за стола не выйти.

Кстати, аппетит у меня хороший. После тренировок так особенно, но сейчас – странное дело: о еде не думалось. Сэндвичи были волшебные?

В соседней комнате что-то гроыхнуло – наверное, переносная массажная кушетка об пол. Это готовилась к «действию» всё-таки добравшаяся сюда мадам из салона. Уж не знаю, кто она: парикмахерша, массажистка или стилист. Мне всё равно, хоть тату-мастер, были бы мои дамы довольны.

Громадные букеты, которые я купил у дома, распространяли на всю комнату аромат из китайских ваз. Скользнув взглядом по белым лилиям, я замер с котлетой во рту, вспомнив о складках воздушного платья.

– Не вкусно, Саша? – спросила мама.

– Шкусно, шкусно, – ответил я с полным ртом.

Опомнился, дожевал и решил: нет, мне точно надо идти!

Чтобы не расстраивать маму, я в ускоренном режиме запихнулся котлетами, не оставив ни одной, за что был награждён довольными взглядами. Вытер салфеткой рот, налил шампанского дамам, бабушке – пару капель в сок, и, поднявшись, произнёс по-гусарски краткое поздравление:

– Счастья вам, прекрасные дамы! Моя любовь у вас уже есть.

Они захлопали, сияя, как медные канделябры, начищенные горничной, и потянулись меня целовать с двух сторон. Затем я отставил бокал и сказал, снимая со спинки стула высушенный пиджак:

– Прощу прощения, но мне нужно идти.

– Так скоро? – расстроилась мама.

– Я загляну к вам завтра, а сейчас не хочу отвлекать от СПА на дому, вы ведь так его ждали! – извернулся я с улыбкой.

– Но тебя ждали больше... – буркнула мама. – Ты вечно занят.

– Ну что ты, Аннушка! Мальчику надо, пусть идёт. Только ты, Сашенька, обязательно приходи завтра – посмотреть, какие мы красивые! – благосклонно выставила руку для поцелуя бабушка. Она в прошлом актриса, и весьма востребованная, так что привычку подавать руку поклонникам и мужчинам любого возраста из неё не вытравить даже склерозом.

– Вы всегда красивые! Но я всенепременно приду, – расцеловал их я и ретировался с самым приятным чувством – хоть для кого-то я «мальчик»...

Волнение накрыло меня с головой. Одолели сомнения на минуту, но мурашки во мне победили. Отчего-то казалось, что эта чудо-девушка может куда-то деться, а видеть её в платье, без платья, в пушистом пальто или в образе всех на свете фей мне было жизненно важно.

* * *

Не прошло и двух минут, как я уже был внутри клуба. Купил билет у снулой очкастой дамы, стоящей на входе, как вратарь на воротах перед серией пенальти. Сквозь шуршащие чёрные портьеры протиснулся в темень зала.

Честно, я даже не ожидал, что в ночном клубе может быть отделение для такого камерного театра. И тем более не думал, что тот будет заполнен до отказа: народ сидел даже на оббитых чёрным ковролином ступеньках, на приставных стульях и на предметах интерьера, типа кубов по углам. Да и ладно, постою за пятьсот рублей. Я на ВИП-ложе не настаиваю, это же не футбол...

Спектакль шёл полным ходом. Точнее, не спектакль, а хаотическое безобразие с элементами мюзикла. Актёры: от шпендиков лет по восемь до великовозрастных дам, изображающих фей, кажется, получали больше удовольствия, чем зрители. Впрочем, я не придираюсь сюда пришёл, так что посмотрю.

Я опёрся о дверной косяк, скрестил руки на груди и принялся наблюдать за пёстро-музыкально-многоязычным бурлеском, с нетерпением ожидая, когда покажется Она. Сам не заметил, как постепенно втянулся в действие и в перепалке «ужасно скучной пары» выудил знакомые из собственного семейного опыта фразочки:

– Вчера ты положил свои носки не туда. Я их выбросила.

– А ты наставила столько косметики на полке ванной, что мне в зеркале не видно собственного отражения. Я бреюсь в коридоре!

– Что за претензии?! У тебя в машине целых три зеркала!

...или...

– Мне стыдно за тебя перед Ватсонами, приличные люди такое не надевают.

– Напомни мне, когда придут Ватсоны, я надену этот пиджак наизнанку. Пусть знают, что я окончательно неприличный.

... или...

– А ужин у нас вообще будет?

– Нет, мы на диете.

– Хочешь сказать, ты.

– Нет, мы. Если ты будешь есть, мне тоже захочется, а у меня три лишних килограмма. Я толстая!

– Но с меня и так брюки падают.

– Я отдала тебе лучшие годы моей жизни, а ты не можешь проделать ради жены лишнюю дырку на ремне?!

Зал хохотал. Я вдруг тоже.

Периодически «скучную жену» поддерживала красноречивым жестами дьяволица. Точнее переодетый парень с накладной грудью, рогами и в парике. На платье яркая надпись «Профсоюз вредных жен». Удачная находка!

Но долго ругаться супругам не давали разные феи. Каждая по очереди, причём с командой поддержки. Они же прогоняли вениками дьяволицу. Та колдовала и сопротивлялась, толстая, как на дрожжах от каждой ссоры «скучной пары».

Одна из фей, Тинь-переросток с кучей блёсток на лице, с крыльями ангела, в рыжем парике и пёстро-полосатой хламиде, от которой рябило в глазах, смутно мне кого-то напомнила. Но вряд ли мои знакомые будут участвовать в подобном бедламе. Тем более, что шепелявых среди них и подавно нет...

Всё это было не важно. Я ждал совсем другую фею! А она не появлялась. Я даже засомневался, а не провела ли она меня, как спутника в купе поезда? Вдруг она вообще не выступает и вся её роль заключалась в доставке пакетов?

И тут на сцену выплыла походкой от бедра Мерилин Монро. Моя... Та самая... Она! Стройная, воздушная, манящая. Она шла прямо ко мне из центра сцены. Сердце моё замерло. Я выпрямился, покрылся мурашками и забыл, что вокруг люди и идёт спектакль.

Мерилин остановилась у края сцены, послала всем воздушные поцелуи, рассмеялась игриво и, подмигнув «скучному мужу», начала петь песенку из старого американского фильма. Боже, и без укулеле она выглядела, как богиня! Сексуальный ангел с томным голосом.

Мой мозг выключился и даже не определил, почему Мерилин поёт свою песенку снова и снова с повторяющимися жестами и наклоном всем декольте вперёд. Я почувствовал себя, как юнец наутро. Ведь несмотря на подчёркнутую стройность, грудь у Мерилин была самая впечатляющая. И глаза...

Кажется, они смотрели на меня, угадав в темноте. Кажется, она мне улыбнулась и посмотрела так, что я сделал шаг вперёд. Споткнулся, пнув ботинком пониже спины кого-то сидящего на ступенях. Извинился, покраснел... Поднял глаза, а юбки взлетели...

Я уткнулся взглядом в точёные ножки в самых соблазнительных на свете туфлях. Сглотнул. И понял, что мне нужна именно эта женщина. Прямо сегодня. К чёрту возраст! В конце концов, она сама меня поцеловала! И я её хочу!

Видимо, так подумал не только я, потому что «скучная жена» с мухобойкой погналась за красавицей, а в зале зашушукались и заплодировали. Мерилин со счастливым визгом побегала кругами и скрылась за сценой, оставив на той бессознательного «скучного мужа», фыркающую «супругу» и дорожку залипших взглядов всех, кто старше пятнадцати.

А я без цветов... Дурак!

* * *

Наплевав на приличия, я протиснулся к самой сцене, на этот раз стараясь не пинать посторонних. Судя по развитию действия, наступила кульминация и вот-вот грядет финал. Я должен быть первым, кого она увидит.

Предложу ей «услуги такси», – с улыбкой про себя подумал я, – так и скажу: «Такси заказывали?». Не вижу причин, почему она не согласится. А куда потом?

Я судорожно перебирал в голове названия лучших ресторанов, глянул на всякий случай в «TripAdvisor». Нужно что-то необычное, чтобы поразить... или наоборот, что-то попроще, чтобы приблизить нас? Она же зачем-то сказала про Порше и скутер?

Так вот, если скутер забросить на крышу или в багажник, будет идиллия. Точно, решено! Не буду её сразу по ресторанам из серии «luxurious», покажу, что я могу быть демократичным.

И тут я запнулся в мыслях: а что, если в таком случае она тоже посчитает меня «жадным козлом»? Чёрт!

Я чуть не сплюнул в сердцах на лысую макушку чьего-то дедушки. Засунул руки в карманы и сделал независимый вид.

Предложу ей выбирать самой. Готов хоть на гамбургер с колой! Или на устрицы в шампанском. Мне без разницы!

В груди наступил покой, в штанах не очень. Спектакль окончился. А Мерилин больше не появилась.

Как это так?!

Я, как судебный пристав, рассматривал с пристрастием всех загримированных, пытаюсь отгадать мою Мерилин – может, поменяла имидж и сыграла вон того слона в штанах с ляжками?

Я хлопал в ладоши и сверлил актёров глазами. Специально три раза крикнул: «Браво», подначил остальную аудиторию, прям как на тимбилдинге, заставляя артистов возвращаться на сцену. Но Мерилин так и не обнаружил. Вот чёрт!

Я перелез через чёрные кубы, динамики и бросился за кулисы. Каждого возвращающегося со сцены осмотрел ещё раз. Отмахнулся от тётки, заявившей что мне «сюда нельзя».

– Мне можно. Я VIP-член клуба на эксклюзивных условиях.

– Член... – дружно захихикали двое прыщавых подростков.

– The member of the club, – перешёл я на английский, так дружно всеми понимаемый.

И стал всех подряд спрашивать, где Мерилин Монро.

Пёстрая фея от меня шарахнулась и закашлялась, схватила за руку мальчонку, игравшего Микки-Мауса. Неужели у меня вид маньяка? Я попытался улыбнуться раскованно, делая не опасный вид, но рыжая фея уже улизнула в дальний угол. Там уткнулась в телефон и что-то застрочила. Надеюсь, не полицию вызывает?

* * *

Досада заключалась в том, что Мерилин никто не видел. Как под землю провалилась. Прячется она от меня, что ли?

И вдруг я услышал справа от себя такой же вопрос:

– Ну и где наша звезда? Где Мерилин? – Это спрашивал какой-то молодой хипстер с фирменной камерой наперевес.

Хм, – нахмурился я. – Это ещё кто? Смазливый, гад.

Я не стал полагаться на случай и пошёл обходить все закоулки, заглядывать в гримёрки, туалеты, буфеты, сразу в лоб с деловым видом опережая собственным вопросом вопрос:

– А вы почему здесь?

Обычно народ от начальственного тона теряется и отвечает. И потом я спрашивал, где Мерилин Монро, она срочно мне нужна. Сработало на всех, кроме одного рыжего пацана, наглого, словно Илон Маск в юности.

– А вы здесь почему? – спросил пацан.

– Ищу Мерилин Монро. По делу, – строго ответил я.

– Мари здесь нет, – ответил пацан, долго с ехидным прищуром меня рассматривая. Затем выдал на английском длинную тираду со множеством имён, ничего мне не говорящих, о пончиках и рогах.

– И что? – не теряясь, спросил я.

– А то, что вы не из наших. И даже не родитель, – ответил юный Шерлок Холмс. – Вам здесь вообще находиться нельзя. Тут дети. – И заорал в сторону: – Костя, тут разве можно быть посторонним? Анна Ивановна! Нателла!

Дьяволица, оказавшаяся лысым мужиком, двинула к нам, но её остановила куча детей. Зато ко мне подошёл тот самый фото-мачо и заявил:

– Посторонним нельзя. Попрошу вас выйти. Здесь много ценного реквизита.

– Я партнёр клуба, – буркнул я. – Мне нужна актриса, исполняющая роль Мерилин. Я хочу сделать ей выгодное предложение!

Взгляд фотографа стал ещё менее дружелюбным.

– Она не рассматривает никакие предложения.

– А почему вы за неё решаете? – таким же жёстким тоном ответил я.

– Потому что я её парень, – заявил холёный дрыщ.

Я мысленно выругался. Пожалуй, пора было остановиться, развернуться, вспомнить о возрасте и дать девушке с её молодым человеком жить своей жизнью, но во мне взыграло неизвестно откуда поднявшееся пеной упрямство. «Ещё посмотрим!» – подумал я и посмотрел на фотографа с вызовом.

К счастью, подслушавшая наш разговор девица с косами, одетая под немку, хмыкнула:

– В мечтах...

Я развернулся к ней, мгновенно надев улыбку.

– Милая девушка, вы слышали наш разговор? Возможно, вы можете мне найти актрису, так талантливо исполняющую роль Мерилин Монро? Она мне очень нужна!

– У неё есть работа, если вы об этом, – пожала плечами «немка», явно кокетничая со мной. – Но вы можете дать мне свои контакты, и я Мари передам. А она уже решит, звонить вам или нет. Или я вам перезвоню с её ответом...

– А где она сейчас? – спросил я, ухватившись за возможность.

– Не могу знать, – мило улыбнулась «немка».

– Хорошо. Будьте любезны, передайте ей. – Я вложил в её руку свою визитку. – Буду премного благодарен.

Фотограф посмотрел на меня волком. Тоже мне Отелло! В мечтах...

Я отошёл в сторону. Временное решение меня не удовлетворяло. Видеть создание из солнца и света требовалось немедленно. Просто так исчезнуть, улететь, испариться я ей не позволю!

Я поискал контакты «Barton Blue», но не нашёл – всегда же созванивался через секретаря... визитки тоже не было в бумажнике. Я выругался, прошагал сквозь разномастную и разновозрастную толпу, полную радостного ликования. Что ж, спектакль и вправду был ничего...

Ладно, восьмое марта – не конец света, – решил я и набрал свою ассистентку Валентину.

Она человек серьёзный, поймёт, что я просто так не звоню. Тем более в праздник, в девять вечера. Через неё я созвонюсь с владельцем клуба, узнаю организацию, которая устраивала спектакль, раз мне тут никто толком ответить не может. Мне нужна точная информация. Так я выйду на имя девушки в образе Мерилин Монро, которую зовут Мари...

Зачем? Что я скажу? Причин может быть сколько угодно! Хоть, к примеру, корпоратив, который намечается у нас в следующем месяце...

Продираясь сквозь толпу, я вновь увидел ту рыжую фею в диких блёстках и с макияжем из фильма ужасов. Она стояла ко мне вполоборота. Вот жуть клоунская! И взрослый же человек...

Проходя мимо, я ткнул на кнопку 1 быстрого набора – Валентина у меня человек незаменимый, очень серьёзный и надёжный. Сейчас со всем разберёмся.

И тут я услышал: «Да, Александр Игоревич» со стереоэффектом – из трубки и от страшно-блестящей феи. Я расширил глаза и остановился. Фея обернулась и тоже замерла.

– Так вот какая у тебя тайная жизнь, Валентина... Не знал, – сказал я строго, веселясь при этом в душе.

Теперь я свою Мерилин Монро найду обязательно. По груди расплылось торжество победы. И тут мелкий упитанный школьник, который играл Губку Боба, дёрнул меня за рукав и сказал:

– Это вы нашу Машу, Мерилин Монро ищете? Вот её телефон, – и протянул включённый экран смартфона с надписью Mary Super. – Говорят, вы продюсер? Только вы сделайте Мари звездой, как Леди Гагу. Она очень добрая. Ей надо...

Глава 7

«У вас есть план, мистер Фикс?» – так спрашивал герой сам себя в любимом мультике детей моей бывшей. Кстати, она снова не стала звать ни Асю, ни Юру к трубке, а телефоны их видимо изъяла, как обычно – в наказание за что-то... Что уж говорить о собаке?

Но план у меня был. И даже не такой беспросветно-серой показалась дедова квартира, в которой я обосновался. Надо бы тут привести всё в порядок, а то сам, как дед, среди всех этих советских ковров, антикварной полировки и гроба-телевизора. Даже странно, что я не обратил ни на что внимания за эти три дня. Тут надо всё собрать по ящикам; то что маме дорого оставить, а прочее на мусорку. Ибо я не дед.

«Вчера ты говорил иначе и песочек за собой подметал», – пробурчал вредный внутренний голос тоном моей бывшей. Кстати, это всё она: «Тебе уже под ср... лет, а ты собираешься бегать, как мальчик? Думаешь, понравишься всем этим девицам с модельными попками? И не мечтай!» Вспомнилось, как она рассказывала, не таясь, подруге по телефону, что её знакомая – некая Ксюня специально кормит мужа гусиными яйцами и печёнкой, чтобы был толстым и никому не нужным. «А наши с тобой и без яиц никому не нужны», – прыснула Лиза. И я перестал есть дома. Мы уже тогда перешли из сезона перемирия в активные боевые действия, так что кто его знает, что могло оказаться в моей тарелке. Как минимум, она могла туда плюнуть, а это чревато, ведь та ещё змея.

Я выгладил рубашку, достал пиджак из советского шифоньера. Нюхнул тёплый твид – нет, к счастью, молью и нафталином не пропахся. Надо и мебель поменять, а то живу, как дервиш. Так недолго до майки алкоголички и треников с оттянутыми коленями, и в домино рубиться под «грибок»...

Нет уж, не дождётесь! Решено – меняю всё. Сегодня же сниму номер в гостинице, а сюда найму бригаду – содрать, отремонтировать, перекроить. Даже с учётом, что я тут ненадолго. Я надел пиджак, повязал галстук. В зеркале с винтажной рамой отразился весьма подтянутый я. Провёл рукой по волосам, улыбнулся фирменно – это я умею.

Всё старое: мебель, брак, комплексы прочь! Мне нужен новый старт, новый прыжок. В конце концов, у меня впереди куча перспектив: и соревнования, и то, что нашептали про новую должность, на которую выдвинул меня шеф, и, наконец, она – Мари-Мерилин. И надеюсь, сегодня я её всё-таки увижу!

Я бы не считался самым перспективным из менеджеров российского подразделения, если бы не умел разрабатывать стратегии и стал соглашаться с первым же «Нет». Её побег после спектакля я решил не рассматривать как второе «нет», в конце концов она его не произнесла. Зато поцеловала. Итак, пока ноль-ноль – счёт равный.

Пообещав Валентине, что выложу её фотографию в блёстках на корпоративном сайте в разделе «Сотрудники вне работы» и больше никто не поверит в статус «железной леди», я взял её на информационный абордаж. Естественно, я не выдал цели моего допроса, хотя она не дура, сама догадалась, судя по изумлённым морганиям.

Мне удалось выяснить, что Мерилин зовут Марианной, фамилия её на секундочку – Убейволка. Натуральная Красная Шапочка в переводе. Она работает в Центре иностранных языков «Ватсон-клуб» преподавателем и переводчиком и владеет на уровне носителя английским и французским. В этом же центре учится сын Валентины, а в драм-кружке подыгрывает и мой двуликий, как выяснилось, ассистент. Потому что, с её слов, «Ватсон-клуб» – это «чрезвычайно дружный коллектив, весёлая атмосфера и всеобщая любовь». Модный дрыщ оказался почти штатным фотографом, лысая дьяволица – режиссёром с Кембриджским образованием, а снулая тётка в очках – просто уборщица из клуба.

Полночи я прикидывал, что лучше: явиться к Красной Шапочке с цветами, позвонить по завоёванному телефону или записаться на уроки французского, так как английским я и так владею в совершенстве. Но к трём часам понял: нет, всё это не вариант.

Среди молодёжной компании и в гуще подростков я точно буду смотреться, как старый потасканный волк. Только пристрелить. Моя же цель – показать ей все мои преимущества, доказать демократичность и, возможно, повысить её жизненный уровень. Он, как я мог догадаться, требует лучшего. От Дэу Матиза до Порше всё-таки ближе, чем от скутера. А от служебного Форда ещё ближе...

И не я ли директор престижной компании и самого продвинутого филиала, обеспечивающего элитными спиртными напитками треть нашей прекрасной Родины? Бюджет у меня имеется. На работе меня уважают. Дамы в рот заглядывают и некоторые вожделеют. Только вот вопрос – как переманить Красную Шапочку Марианну из горячо любимого ею коллектива? На это ушло ещё утро, а потом я заорал:

– Эврика!

Порезался бритвой и радостно бросился искать лейкопластырь в своих ещё не полностью распакованных чемоданах.

В боксёрах и с заплаткой на щеке через минуту я уже звонил национальному директору в Москву с предложением не откладывая в долгий ящик, а прямо завтра включиться в пилотный проект по внедрению канадских технологий, от которого все открещивались.

– Мне нужна дополнительная вакансия. Постоянного переводчика с английским и французским брать нет смысла, а аутсорсинг⁶ нам очень подойдёт. И с точки зрения налогообложения и документооборота проще, – сказал я, выслушав дифирамбы по поводу моей активности и продвинутости взглядов и попытаюсь выудить тапочек из-под старого дивана.

– Ноу проблем, Алекс! – ответил Майк Загорски. – Гоу он. – То бишь, давай-давай, чувак.

* * *

Утром, в выходной девятого марта Валентине пришлось работать, ведя переписку и заполняя стандартный договор по внешнему найму. В полдень я обаял взлохмаченную и подхипованную девицу с тремя шарфами – владелицу языкового центра Нателлу, подписывая с ней в милом ресторанчике договор о сотрудничестве. И, надеюсь, что сегодня утром счастливая и отдохнувшая после праздников, изумлённая таким поворотом событий, в мой офис придёт Она. Красная Шапочка с говорящей фамилией Убейволка. Хорошо, что я не волк. У меня вообще почти кошачья фамилия – Львовский.

⁶ Сотрудник по договору подряда.

Глава 8

– Нателла, я не хочу заниматься аутсорсингом, честное слово! – проговорила я, ошарашенная новостями.

Солнце, мартовское и шальное, как дворовый рыжий кот, светило в окно и щекотало нос лучистым хвостом. Раньше времени проснулась залётная муха, шторы теребил ветерок так же, как я бахрому по краю синего свитера. Сегодня я была в стиле «бесформенный унисекс» в качестве отката после выпуклой женственности восьмого марта.

Я просто не могу быть всегда в строю гламура, тем более что вчерашний день вышел каким-то скомканным: ни расслабиться, ни повеселиться, но это и не важно, такие дни у всех бывают. Однако я вывела для себя правило: если стать жертвой завитых ресниц, эротичных платиц и высоких каблуков, можно совершенно случайно начать принимать всё всерьёз, а жизнь для этого слишком коротка. Так что сегодня я решила «отдохнуть» от красоты, макияжа и прочих прибабасов.

За столом с чашкой кофе сидела наша «мать-кормилица» и главная заводила Нателла, ничуть не похожая на директора учебного заведения, в светлом замшевом лапсердаке, джинсах, ковбойских ботинках и с кучей фенечек на запястьях. Немного взъерошенная внешне, но спокойная, как мастер дзен внутри. И с соответствующей улыбкой.

Нателла – умничка, в тридцать три она с нуля создала свою школу, которая превратилась в мультиязыковой центр. Тут было всё, что так или иначе касалось иностранных языков и стирания барьеров в коммуникациях между людьми, а главное – царила неповторимая атмосфера. К нам дети приходят даже с насморком, в каникулы и расстраиваются, если по какой-то жуткой случайности типа первого января или прорыва отопления отменяются занятия.

Взрослые тоже у нас занимаются, но акцент всё-таки ставится на подрастающее поколение. Мы все, как семья, держимся друг за друга и за работу, хоть и получаем далеко не большие деньги. Что поделаться? За кайф надо платить, в том числе маленькой зарплатой.

Нателлу как олицетворение и душу нашего коллектива я страшно люблю и уважаю. И, конечно, не хочу подводить. Но с другой стороны, собственное мнение у нас принято высказывать, чем я и занималась в данную минуту.

– Мне прекрасно работается здесь, Нат! Я не хочу в чужой офис с дресс-кодом и занудами, – сказала я, садясь на стул. – И потом куда я дену детей?

– Никуда детей девать не надо, – улыбнулась Нателла. – Просто вместо дополнительных переводов, которые ты берёшь, будешь заниматься только одним проектом. Он для Центра очень важен, потому что ребята платят дурные деньги с барского плеча. Ты заработаешь здорово сама и мы заработаем. Кроме того, этим продажникам кто-то посоветовал именно тебя, как супер специалиста, так что о другом двуязычнике они и слышать не хотели. Подавай им Мари Убейволка и точка!

Приятно, конечно, но не радостно.

– Жаль, им не подошла Люся Штык. У неё тоже хорошая фамилия.

Я вздохнула. Сразу после универа я успела поработать секретарём и переводчиком, и впечатления остались так себе. В одном месте меня просто превратили в курьера за пирожками, в другом начальник распускал руки, в третьем я попала в натуральный клубок змей, где токсичный дух активно поддерживался руководством. Да уж, мне есть с чем сравнить!

– Не хочу-у-у, – снова выдохнула я, пытаюсь надавить на жалость.

– Мари, детка, а ты представь, что ты лётчик. Вот прикинь, он не может сказать «не хочу, идите вы нафиг со своим Гонконгом!»! Он садится за штурвал и летит. Или космонавт. Болтается там на своей орбите несколько месяцев. Хоть тебе месячные, хоть голова болит, хоть день рождения...

– У космонавтов не бывает месячных... – хмыкнула я.

– Они бывают у всех. Даже у нашего дворника, хоть и не явно, – тоже хмыкнула Нателла.

– Угу, когда он из вредности не чистит снег только у нашего крыльца или сбивает сосульки, целясь в прохожих.

– Зато видишь, ему душевно тяжело, а он трудится – посмотри на это с такой стороны! Никем не замеченный героизм и явная психотравма, – заявила Нателла. – Но ты точно осознанней нашего дворника Равшана, не так ли, детка?

Вот и что на это скажешь?

– Да уж, придётся побыть космонавтом. Земля-земля, я – Марс, полёт нормальный, – кисло ухмыльнулась я.

Нателла встала, обошла стол. Я тоже поднялась со стула, а она приобняла меня за плечи.

– Я горжусь тобой! Лети! И чтоб до пяти вечера я тебя здесь не видела!

– Господи, я же совершенно не одета для офиса! – всплеснула я руками, осматривая критическим взглядом свой синий балахонистый свитер, джинсы, кроссовки и три пера в пучке на голове. – Меня просто выгонят!

– Выгонят? Вольёшься в обычный режим, и дело с концом, – невозмутимо улыбнулась Нателла. – Давай, сходи, поговори с ними, это всего в двух кварталах от нас. Офис номер шестьсот. Они занимают весь шестой этаж в бизнес-центре на Красноармейской, не промахнёшься!

– Есть сэр, – отдала ей честь я, как американский «морской котик», щёлкнула подошвами кроссовок и подхватила рюкзак.

Мне очень понравилась мысль Нателлы про «выгонят и дело с концом». Тем более не стоит наряжаться. В конце концов, и правда, что я капризничаю? Пойду, как есть, и грудью на амбразуру.

* * *

Я шагала по залитой солнцем улице, смотрела на ветки с набухшими почками и пыталась вернуть себя в русло позитива. Итак, с одной стороны, я могу заработать деньжищ и отложить на поездку на море. Возможно даже на Италию, если меня не выгонят в течение всего периода аутсорсинга – это плюс номер раз!

Я окунусь снова в офисную скуку, чтобы ещё больше ценить свою практически свободную жизнь, стиль и возможность прыгать с учениками по классу в рабочее время. Хотя куда уж больше? Но ладно, это плюс номер два!

Я и на это место работы смогу дотопать из дома пешком, это плюс номер три!

В проектах, тем более в канадских при компаниях с иностранным капиталом я никогда не участвовала, то бишь получу новый опыт, выучу новую лексику, расширю кругозор, но при этом не лишусь любимой работы, – это плюс номер четыре!

Я буду радоваться, если меня выгонят, и это будет жирный плюс номер пять!

Я хитро улыбнулась, затем набрала полные лёгкие свежей весенней прохлады и напонила себе, что к тому же сегодня солнце светит и весна. Это постоянно хорошо – так же, как и дождь, наливающийся в крошечных тучках над городом! Прекрасен и этот день со всеми его неожиданностями! Просто сюрприз на сюрпризе! По сути, даже прорыв канализации можно рассматривать как приключение, а это... ещё одно.

Я повеселела и пошла быстрее, разглядывая автомобили и подсознательно оглядываясь на белые внедорожники, хоть сколько-нибудь похожие на Порше. Вспомнила о красавце-не таксисте, о его губах... Занятное вышло у меня позавчера приключение, и его послевкусие, как шоколад с перцем чили и малиной, до сих пор слегка будоражило, несмотря на вчерашние неприятности. Но что проходит, то проходит. Даже самые вкусные шоколадки заканчиваются.

* * *

Так, размышляя обо всём и ни о чём одновременно, я доплелась до бизнес-центра через два квартала, одного из многих, недавно выстроенных на самом оживлённом проспекте города, и вдруг до меня дошло: тут же Валюха работает! Жаль, что вчера её загрузили работой, и она не пришла. Но плюс номер шесть, точнее даже семь, налицо!

Я вошла в холл, отразилась бледной молью с гулькой на макушке в зеркальной стене, получила уже подготовленный на моё имя пропуск на охране и вошла в лифт. Вместе со мной в него вплыли две леди в пальто и туфлях на высоком каблуке. Блондинка и ненатурально рыжая. Немногим старше меня, но по удельному весу апломба я по сравнению с ними находилась где-то на уровне дистрофика. Как из старого папиного анекдота «сестра-сестра, закрой окно, меня с горшка сдувает...»

Я улыбнулась. Они смерили меня взглядами и поджали губы. Мы вышли на одном этаже. Прошли к одной и той же двери, впрочем, тут единственной. Просочиться тенью мне не дали.

– А вы к кому? – с пристрастием спросила огненно-рыжая.

– В отдел кадров.

– Насколько я знаю, у нас вакансий нет, – язвительно заявила блондинка.

– Даже не представляете, как вы меня обрадовали! Спасибо за хорошую новость! – просяла я и протиснулась мимо застывших, как восковые статуи Мадам Тюссо, леди в просторный, полный импозантности холл.

Сплошной белый и бежевый, одно вкрапление серого – кажется, это норвежский стиль, очень модный ныне... А какой интерьер! Вон то супер-модерновое нечто смотрелось очень выразительно. А кожаный диван для посетителей! И картина... Хм... да... Очень абстрактная. Просто не офис, а выставка современного искусства в Нью-Йоркской галерее.

Определённо роскошь преследует меня в последние дни. В контраст с обрушившейся вчера на голову штукатуркой на кухне нашего дореволюционного дома.

Да здравствует пафос! – подумала я. И, чувствуя себя, как подкидыш на пороге Белого дома, пошла навстречу любопытству и цветочному запаху. Надеюсь, это не лилии. У меня на них аллергия.

И вдруг я увидела огромные серебряные буквы над столом секретаря “Karloff’s”. Ой, это я в Валюхину компанию попала? Ну надо же! Тот-то она удивится! За внимательность мне кол. Опять...

Ко мне навстречу вышла плавная, как статуэтка из молочного шоколада, девушка с роскошной гривой и не менее шикарным костюмом песочного цвета. Какая у них тут гармония светлых тонов! Мой синий свитер из-под куртки выглядел здесь нелепой яркой кляксой.

– Добрый день! Вы Марианна Владимировна Убейволка? – спросила девушка с самой любезной на свете, не очень искренней улыбкой.

– Да, это я, – я кивнула.

– Я – Лидия, секретарь. Можете звать меня просто Лида. Прошу вас, пройдёте сюда. Для вас уже подготовлен отдельный кабинет. Формальности закончим там же.

– Кабинет?! Надо же... – удивилась я ибо ожидала приставной стул в уголке опенспейса. – Спасибо.

– Убейволка?! Какая странная у вас фамилия! – проговорила подошедшая рафинированная дама отдалённо восточной наружности.

На бейджике на её груди я прочла: «Долгорханда Челенбазаровна Черпендгаджиева, главный бухгалтер».

– И не говорите! Чего только эти древние славяне не придумают, такие выдумщики! – ответила я и чихнула.

Неприятное ощущение в носу усилилось вместе с ароматом. Я обернулась и увидела в вазе на столе гигантский букет белых лилий. И по углам. Красиво, но... Надеюсь, лилия – не их корпоративный цветок! Иначе я не только месяц, я и дня тут не продержусь... Кажется, это знак.

Я потёрла нос, который начал чесаться, словно в него влезло гусиное перо из подушки, и поспешно прошла вслед за Лидой-секретарём вглубь современного офиса. От аллергена подальше. Но в милой светлой комнатке за дверью меня ждал другой сюрприз – ещё один букет белых цветов. Огромный.

– Лилии? – воскликнула я в смятении. – По какому поводу?

– Наш руководитель, Александр Игоревич, распорядился украсить кабинет. В компании «Карлоффс» всегда уделяют внимание дружественной атмосфере, особенно для новых сотрудников. Знаете, проект «Нью-вейл» очень важен для нас, и лилии олицетворяют собой чистоту замысла и синергетику естественности и новых технологий...

А по мне, так напоминание о французских неприличных женщинах, как в «Трёх мушкетёрах». Впрочем, от запаха мне уже было не до шуток, я полезла за платком в карман. В глазах начало резать.

– А вот, собственно, и он, наш уважаемый руководитель, Александр Игоревич Львовский, – милейше улыбнулась секретарша Лида и с театральным жестом указала мне за спину.

Воздух сгустился в груди, комом перехватило горло. Синергетика естественности и новых технологий грозила окончиться анафилактическим шоком. Я обернулась, из глаз сами собой брызнули слёзы.

На пороге стоял Мистер Элегантность. Из того самого Порше...

Глава 9

– Саш, а цветы по всему офису по какому поводу? – заглянула в кабинет Долли, мой главный бухгалтер. Она замужем за большой шишкой и сама с характером – бронзовый цветок Бурятии. Когда из отдела кадров прислали меморандум о её переводе к нам из Улан-Удэ, все сотрудники безуспешно принялись заучивать её имя – «Долгорханда Челенбазаровна». Но она представилась просто Долли, и все выдохнули. У нас вообще довольно демократично и на американский манер. Иностранная компания – не аналог чиновничьей бюрократии. Отчества существуют только для посетителей и партнёров.

– Дизайнер по интерьерам предложил в связи с ребрендингом. В холл. А мне подумалось, почему прекрасная половина нашего филиала должна прозябать после праздников без цветочного аромата? – бодро соврал я.

– Тут не аромат просто, а духан, – заявила Долли. – Ты мне счета с «Продигом» подпиши в первую очередь, ладно?

– Давай сейчас напишу.

– Их ещё не привез курьер. – Долли посмотрела на меня критически. – А почему лилии? Символ чистоты и непорочности? Вроде у нас в офисе непорочных нет...

– Ну, это любимые цветы моей мамы. Утончённые, не банальные, – пожал плечами я и взглянул на часы.

И где она? Если она делает всё что хочет, а работать у нас у неё желания не возникло, ведь не придёт же!

– Долли, вышли мне в течение часа разбивку бюджета по пилотному проекту по регионам.

– Есть, шеф.

Она вышла, и одновременно раздался звонок внутреннего телефона.

– Александр, ваша переводчица пришла, – сказала Лидочка.

– Проводи её, пожалуйста, в кабинет, – проговорил я.

Выждал минуты две. Затем встал, одёрнул пиджак. Глянул на собственное отражение в стекле шкафа и вышел. «Мерилин Монро» в моём офисе! Это любопытно! Вообще я подумал, что белые лилии идеально напоминают её платье на выступлении.

В ожидании вновь увидеть солнечную улыбку я направился в кабинет, который велел подготовить для Марианны. И вдруг... я увидел совсем не мисс Монро, а заплаканную домашнюю девочку в джинсах. Старшеклассницу или студентку. В первое мгновение даже показалось, что прислали кого-то другого, но нет, это была она – моя случайная «пассажирка такси», только ещё более юная, трогательная и беззащитная. С красным припухшим носом и губами.

Её глаза расширились при виде меня, во взгляде что-то изменилось, и слёзы в три ручья потекли по щекам. Моё сердце дрогнуло.

– Почему вы плачете? Кто вас обидел?!

– Дидия... – в нос сказала несчастная девушка.

– Лидия?! Что ты сказала? – рыкнул я на секретаршу. – Разве так встречают новых сотрудников?!

Та вытаращила глаза. Обливающаяся слезами Марианна активно замотала головой, ткнула в цветы и прохрипела так, словно курила с пелёнок:

– Де она... Аддедгия... на дидии. У меня...

Вот чёрт!

Она закашлялась. Я бросился к окну, распахнул его и мигом выплеснул цветы вместе с водой вон. У обеих девушек раскрылись рты. Секретарша моргнула. Ветром снесло бумаги со стола на пол.

– Лида, скорую! – рявкнул я.

– Де дадо скодую... – прогундосила Марианна и полезла в рюкзак. Быстро достала из кармашка таблетку и заглотнула, опускаясь на стул. – А воды модно поподосить?

Я в секунду оказался у кулера, набрал воды и, чуть не сбив секретаршу, гораздо более медленно передвигающуюся на каблуках, вернулся.

– Сбасиба, – прохрипела Марианна, принимая из моих рук стакан.

Я сел на стул напротив. Тревожно взглянул на излишне розовый нос и непривычно красные глаза. Достал всё-таки телефон и ткнул в кнопку разблокировки:

– Скорая нужна. И не возражайте! В моём офисе никто не должен пострадать! – заявил я. – Тем более от такой глупости, как цветы!

Изящная ладошка опустилась на мой Айфон. От прикосновения нежных пальчиков к моей кисти по рукам пробежали мурашки. Я поднял глаза.

– Пдавда де надо. Меня уже отпускает... – попыталась улыбнуться Марианна, а затем громко высморкалась в бумажный платок.

Я достал свой и протянул ей. Она высморкалась и в него. Прокашлялась. Хрипло выдохнула и выпила воды из стакана.

Господи, это же надо было так косануть! Вот так всегда: хочешь, как лучше, а сам кретин...

Я сглотнул, прислушиваясь к её дыханию, поскрипывающему в груди, словно меха старой гармошки под синим свитером. Щёки Марианны покраснели. Я быстро набрал 030 и услышал:

– Служба скорой помощи...

– Дет, дет, де педерживайте. Всё хорошо. Я приняда антигистамин нового покодения. Ношу на всякий случай, – высморкавшись снова, сказала Марианна. – Быстдо действует.

– Хорошо, – выдохнул я и отбил звонок.

Марианна втянула сквозь нос воздух, хрюкнула и извинилась. Затем посмотрела на меня с любопытством:

– Итак, вышло по-вашему? Мы встедидись опять...

– Да, так вышло. Компании «Карлоффс», которой я имею честь руководить, потребовались услуги специалиста вашего уровня, – сказал я, усиленно пытаюсь быть деловым. – У вас прекрасные рекомендации по знанию языков. Ещё раз извините за недоразумение с цветами! Действительно не нужен врач? Вы не упадёте в обморок? Не опухнете?

– Тодько если от нагдости, – хмыкнула она и засияла той самой улыбкой, от которой у меня что-то в сердце распускается, хорошенькая до умопомрачения в своей женственной естественности, даже несмотря на красные пятна. И до безобразия молоденькая. – Сам дидектод носит мне воду...

Я улыбнулся ей в ответ.

– Александр Игоревич – не директор, а зональный управляющий, – послышался голос секретарши, вошедшей с ещё одним стаканом воды.

Дверь была распахнута. Из-за спины Лидочки, смотревшей на новенькую, как ведьма на члена святой инквизиции, выглядывала рыжая Юля с кофейной кружкой в руке и похожая на Винни-Пуха в беременном комбинезоне Карина из маркетинга. Вот любопытные Варвары!

Я поднялся и строго сказал:

– Лида, все лилии из офиса срочно вынести. Помещения проветрить. И дверь закрой!

– Александр, а можно их к нам, в маркетинг? Пожалуйста! – промурчала Юля, как всегда пытаюсь влезть без масла в свободную щель. – Я обожаю лилии!

– Можешь забрать их к себе домой, но сейчас только на балкон и за дверь, – рыкнул я. – Создавать потенциально опасную обстановку для здоровья подчинённых – это прямое нарушение техники безопасности. Так что выполняйте. Без возражений и предложений.

– Конечно, Александр, я и не думала возражать... – побледнела Юля.

Лидочка тоже попятилась.

– Сейчас я все букеты соберу, Александр Игоревич.

– У тебя пять минут.

Я закрыл дверь в кабинет у девиц перед носом, разозлённый дурацкой ситуацией. Обернулся. Мари подняла с пола бумаги, разглядывая меня с интересом. Кажется, в груди у неё уже так не хрипело. Я почувствовал облегчение и вдруг осознал, что мы остались вдвоём. Один на один. Уловил носом исходящий от неё лёгкий запах цветущих яблонь. Очень нежный. В сердце что-то откликнулось. Я улыбнулся, засунул в карман руку.

Не понятно, почему я так волнуюсь?! Я взрослый мужик, а она совсем девочка. Я тут хозяин, и мы на моей территории. И всё-таки паузу прервала Марианна.

– Ну вот, мне уже лучше. Даже губы чувствую. Моё имя, как я понимаю, вы уже знаете, – с улыбкой сказала она, почти не гундося. – Я ваше тоже. Но я так и не в курсе, что мы с вами будем делать. Расскажете?

С её словами мой взгляд залип на её губах. Нежных, припухших, девственно чувственных.

И я забыл, как складываются мысли в слова. А она смотрела на меня и ждала. Ветер из распахнутого окна доносил птичий гомон, запах свежести и прохлады, развеивал её распушившиеся вокруг художественно скрученных волос на голове пряди.

Разве можно быть такой невозможно милой?

Мне подумалось о парке Горького и мороженом, о том, что я тысячу лет не был в кино, и миллион – на местах для поцелуев. А кварталом ниже, на Пушкинской велосипеды сдают в аренду. Очень удачно: она в джинсах, а я не старый.

– Может, прогуляемся? На улице лучше дышится... – выдавил из себя я, внезапно неловкий, как мальчишка.

Изумление в её глазах тут же заставило меня протрезветь. Я вспомнил, кто я и где, и добавил более присущим мне деловым тоном:

– Пусть и временно, но вы мой сотрудник. Я несу за вас ответственность, госпожа Убейволка. Правила техники безопасности в компании «Карлоффс» – не пустой звук. Вы можете прочитать об этом в инструкции для сотрудников. Пункт пятый, статья семь. Кстати, распишитесь на каждой странице по прочтении. Если вы упадёте от головокружения, потеряете сознание или ударитесь головой, выплачивать штраф придётся компании или мне лично. Я на это не готов. Предпочитаю уважать законы и правила. Ну что, мы идём?

Глава 10

Сморкаться пылью изысканных белоснежных лилий или дышать свежим воздухом подальше от пафосного офиса, в котором мне быть в принципе не хотелось? – Сложный выбор, честное слово!

Александр... Боже, я знаю его имя! Звучное, ему идёт! Не Шурик, не Саша, не Санёк, а Александр Игоревич Львовский, руководитель во всей своей красе и элегантности смотрел на меня и, конечно, не догадывался, что вместе с именем, передо мной, как пасьянс, раскрылась ещё масса подробностей из его жизни. И нет, с приступом аллергии у меня не прорезался третий глаз.

На беду или к счастью, его непоколебимая помощница Валя Степняк была не только по совместительству моей подругой. Несколько лет назад для того, чтобы поддержать уровень английского, она пришла ко мне на занятия по спикингу. А так как на них нужно было говорить, а у меня индивидуальный подход, я слушала всё, о чём хотелось высказаться Вале. На английском, естественно. И до сих пор слушаю... уже на кухне или в кафе, за чашечкой кофе. Слушать я умею и чужие тайны не разбалтываю, и наверное поэтому процентов шестьдесят моих учеников перекочёвывают ко мне в друзья.

Глаза Александра светились ярко-голубым интересом, а я дышала, подхрюкивая, и пыталась соединить в своей голове образ Мистера Элегантность и «гадского босса, который требует найти пятизвёздочный отель даже в каком-нибудь Новопупинске». Я знала, что за глаза его называют «Король Лев» или «Лев» для краткости. Что стоит записывать всё, что он требует, если не на диктофон, то под роспись, чтобы потом не придирался. Что он терпеть не может суши и рыбу вообще, зато уминает за обе щеки стейки после тренировок, и Валя уже осведомлена, когда день рождения у повара из соседнего ресторана, его любимого, хоть «в официантки и не нанималась».

Я знаю, что Львовский и так строг, но последние месяцы несносен, ибо разводился. Что его жена ревновала его ко всем подряд в юбках, считала сотрудников офиса персональной челядью и даже закатила однажды Вале скандал за то, что она привезла в их шикарный особняк отчёт аудиторов, когда Львовский заболел. Знаю, что три года назад у него была интрижка с «грудастой» Лёлей из отдела продаж, и об этом все шушукались. Особенно маркетинг, где водятся главные поставщицы интриг и скандалов на местном уровне. И больше всех – рыжая Юля...

Видимо, та, что выпрашивала цветы. Она мне сразу не понравилась!

С Валиных слов я знаю, что Львовский с лёгкостью одалживает всем, кто нуждается, и даже оплатил в прошлом году срочную операцию жены одного из торговых, попавшей в аварию. Что он не помнит ни одного дня рождения, но если напомнить, является в офис с букетиком. Что может заказать всем пиццу или пирожные просто так, но при этом три шкуры спустит за невыполнение плана и стоит на хорошем счету у американского руководства. Те считают его демократичным, а на деле все торговые представители у него, будто личный состав спецназа. Полное подчинение, построение и «ЗдравГавТовЛьвов», как в армии. Но другого никто в офисе не хочет. Говорят, лучше Лев, но свой.

А ещё я знаю, что у него в шкафу в кабинете есть полный комплект рубашек, галстуков и спортивной формы. И что хотя он всеми руками и ногами за ЗОЖ – гоняет сотрудников и устраивает корпоративные соревнования, в его сейфе стоит бутылочка Реми Мартен. Он может себе позволить выпить в пятницу и становится сразу добрый. Девчонки из бухгалтерии и маркетинга именно в такие дни приходят подписывать заявления на отпуск, покаяться в косяках или попросить отгул.

Знаю, что Валюхин шеф может уйти и вернуться, просто чтобы глянуть, чем все в офисе занимаются в его отсутствие. А ещё то, что он ездит в командировки большую часть рабочего времени, и Валя в последнее время не уверена, что всегда один. Он заказывает костюмы Хьюго Босса, и к нему приезжал портной из Англии с каталогом тканей в июне. Знаю, что товарищ Львовский – не только зональный управляющий, а ещё и инкогнито компаньон одного из крупнейших партнёров на Кавказе. Кстати, это против политики компании и вообще конфликт интересов. Но именно поэтому он ездит на Порше, тогда как другие менеджеры его уровня могут позволить себе только БМВ классом ниже.

Называется, почувствуйте себя кладезем информации и шпионом под прикрытием одновременно. Я моргнула, ощущая себя приблизительно так же, как Штирлиц, запаливший Геринга за игрой на балалайке.

Хотя нет... Геринг не предлагал Штирлицу прогуляться с такими горящими глазами. Я всё-таки ближе, наверное, к Мате Хари. Впрочем, я не танцую голой и не собираюсь сдавать его ни немецкой разведке, ни собственному начальству. Мне оно незачем.

Я закусила губу. Пойдите, а как он меня нашёл? И было ли это случайно?

У меня зачесалось под ложечкой.

Вдруг и в моём случае Валюха оказалась находкой для шпиона? И почему она меня не предупредила, если знала? Интрига...

Однако в носу свербело, голову ломать не хотелось, так что я мысленно махнула рукой и подхватила рюкзак.

– Идёмте. Техника безопасности – это святое...

* * *

Улица Пушкинская в нашем городе – моя самая любимая. Я её называю «гуляльной». Здесь не ездит транспорт, прогуливаются пары, мамочки с детьми, старики с собаками, катаются подростки на всём, что ездит, у Публичной библиотеки, издавека похожей на крематорий. Здесь за дружными сосенками таится очередное кафе с террасами и без, а из-за кустов жасмина или ветвей плакучей ивы выглядывает то чайная, то кондитерская, то суши-бар. Вдоль улицы теснятся разномастные, но симпатичные дома, задевая стилем все эпохи архитектуры нашего города: от дореволюционного модерна с элементами готики, неоклассики и барокко до краснокирпичных прямоугольников советской эпохи.

– А вы знаете, что архитекторы называют наш центр «Русским Чикаго»? – спросила я господина Львовского, ибо после того, как он открыл и придержал передо мной все двери, сказал, что воздух чище на Пушкинской и то, что «сейчас загорится зелёный», он вдруг как язык проглотил. Может, ждал, когда мой вернётся в норму? Мы уже целый квартал прошли.

– Чикаго совсем другой, – ответил Александр и взглянул с надеждой. – Вам лучше?

Видимо, очень не хочется ему платить штраф за удушение временного сотрудника цветочным ароматом. Я улыбнулась во все двадцать восемь – зубы мудрости у меня ещё не вылезли – мудреть – не перемудреть.

– Да, спасибо! Вы там бывали, в Чикаго?

Он посмотрел вдаль, как романтический герой, затем на меня и произнёс на безупречном английском:

– Да, но мне больше нравится Нью-Йорк. Он прекрасен осенью.

О, решил проверить мои знания, наконец?

– Судя по фильмам, да. Я никогда не была за границей, но усиленно планирую. – Я тоже переключилась на другой язык. – В первую очередь, в Италию, затем во Францию, а потом можно и в Нью-Йорк, если к тому времени его не затопит, как предсказывал Нострадамус. Впрочем, господин Мишель много чего напроорочил, и с моими сроками планирования путеше-

ствий, боюсь, мне и Парижа не увидеть. В лучшем случае получится приехать в Новую Мекку с Эйфелевой башней посередине. Упс, простите, я опять много говорю...

– Говорите на здоровье, теперь я знаю, что это ваша работа.

– Много говорить? – хмыкнула я.

– У вас это хорошо получается, но... – Он посмотрел на меня с лёгкой снисходительностью: – Вы верите в сказки про Нострадамуса, Марианна?

– Нет, – рассмеялась я. – Однако судя по рассказам друзей, количество девушек в хиджабах и парней из Ближней Африки в Париже стремительно растёт. Надеюсь, что остальное господину Нострадамусу просто почудилось. То были времена готики, настоек и зелий, мало ли что довелось глотнуть магистру в поисках истины? Я верю в лучшее, это приятней!

– Наверняка, – улыбнулся Александр как-то совсем не начальственно. – Вы удивительно позитивны, Марианна!

Он с таким сочным акцентом произносил моё имя, будто выучил иностранное слово, которое ему до жути понравилось. Вот прямо брал и перекатывал языком по нёбу от зубов к зубам: Ма-ри-ан-на. Я даже немного смутилась.

Терпеть не могу своё полное имя, потому что меня так назвала в честь героини дурацкого сериала «Богатые тоже плачут» бабушка. Улучила момент, когда у мамы был мастит после родов, она плохо соображала и согласилась на всё, а папа служил в армии. Родители-то потом меня Марусей называли, но я не с ними в школе училась...

– Для краткости лучше называйте меня Мари, Александр Игоревич, – сказала я.

Его будто передёрнуло, он остановился и сказал:

– Просто Александр, прошу вас! У нас в компании принято без церемоний. – Указал рукой на гущу велосипедов, припаркованных на специальной стоянке, и добавил: – Хотите, покатаемся?

– Нет, – честно мотнула головой я. – Иначе вам точно не обойтись без штрафа, травм и нарушения техники безопасности на рабочем месте. На велосипеде я кататься не умею.

– Как жаль...

И то верно, жаль. Меня так и подмывало его подначить и посмотреть, как сам «Лев» в костюме от Хьюго Босс будет рассекать по Пушкинской на велосипеде. Или вон на том монстре с толстыми надувными колёсами. Босс на самокате, – очуметь.

– Нет, если вам очень хочется, я подожду, – улыбнулась я.

Он качнул головой:

– Это была глупая затея. Просто чтобы сгладить первое впечатление.

Я вспомнила о нашей поездке в «такси», о том, как хорошо мне стало от его первой улыбки. Он был неотразим и тогда, и сейчас. До мурашек. Но мало того, что Александр разведён и фриволен, слухи о его «сопровождении» в командировках тоже наверняка не случайны. Кстати, он сказал мне, что жене не изменял. Значит, соврал, – в три раза больше жаль. Мне просто ужасно надоело обжигаться! И да, не стоит забывать, что теперь Александр ещё и мой начальник. Потому я с явным сожалением ответила:

– Вряд ли это удастся.

– Я понял, – суше сказал он. – Тогда поговорим о проекте.

Думала, он уже никогда не начнёт...

Он поддержал меня под локоть, пока я обходила лужу, и начал:

– Как вы, возможно, знаете, наша компания занимается не только продуктами уровня масс-маркет, но так же элитным алкоголем, предназначенным для закрытых клубов...

– Есть такие клубы на Юге России? – удивилась я.

Он снова посмотрел на меня странно и даже печально.

– Да есть. И не только на Юге. В Москве, на Урале, на Севере. Так вот с ними планируется запуск партнёрской программы. Для подготовки к ней необходим перевод документации,

обучающих материалов для сомелье, онлайн-сервиса и ряда переговоров. Работа комплексная и относительно недолгая. Полагаю, вас поставили об этом в известность?

– В общих чертах.

– Прекрасно. – Александр снова был сдержан. – Надеюсь, вас она не затруднит?

– Нисколько. Спасибо, что позволили мне отдышаться! – Я расслабилась, перестав ожидать подвоха, и призналась: – Передышка мне была просто необходима! У меня что ни день, то неожиданности. Вчера половина потолка обрушилась, сегодня новая работа, затем приступ аллергии...

– В каком смысле потолок обрушился? – изогнул бровь Александр.

– В прямом, – улыбнулась я. – Штукатуркой на голову, на кухне. У нас очень старый дом. 1910-года. Практически музей!

– Но вы же не можете там жить! Это опасно!

– Ничуть. Просто папа пытался сделать на крыше зимний сад и немного не рассчитал.

– Простите, а он нормален, ваш папа? – вежливо поморщился Александр.

– Вполне, – хмыкнула я. – Хотя мама так не считает.

Он одёрнул пиджак, осмотрел меня с головы до ног, словно искал в складках одежды остатки штукатурки или затерявшуюся в волосах арматуру, затем взял за руку и повёл за собой:

– Идёмте, вы расскажете мне спокойно, обстоятельно, что случилось. За чашкой кофе.

Да я и не нервничала. Однако он так потянул меня в милейшую кофейню на углу, что отказаться и не вышло бы. Шлюпка фрегат не удержит.

Мой новый босс распахнул дверь, усадил меня за круглый деревянный столик, сел рядом, монолитный, как скала, и только тогда отпустил мои пальцы. Нехотя.

– Рассказывайте!

– О чём? – поинтересовалась я. – О штукатурке уже всё. Упала, собрали, вымели, над дыркой натянули полиэтилен. Пока немножко дует. Там, оказывается, была плохо заделанная каминная труба, как потом папа понял по обнажившейся кладке. Зато теперь можно её восстановить и оборудовать в кухне настоящий камин. По-моему, это замечательно!

– Просто кошмар. Ваш папа строитель? – нахмурился Александр.

– Нет, музыкант. Виолончелист. В оркестре Музыкального театра играет.

– Так какого чёрта? Пусть играет! Зачем, скажите, разламывать крышу и подвергать опасности жизнь дочери?

– Так же ему мама сегодня сказала. Слово в слово, – рассмеялась я.

– Хорошо, что хоть один разумный человек в вашей семье имеется.

– Ну, не совсем в нашей, но отчасти да.

Александр изогнул другую бровь. Очень выразительно. Говорят, существует йога для лица, и кажется, она должна выглядеть приблизительно так.

– У вас особенность такая – говорить загадками?

Я пожалала плечами.

– Просто я не знаю, зачем вам наши семейные дела?

Его взгляд был сама требовательность. Ну что ж, сам напросился! Так что я добавила:

– Ну, если вам на самом деле интересно, то мои родители развелись, когда я закончила школу и поступила в университет. Мама сказала, что «ради ребёнка» она уже пожила и пора начать жить для себя. Правда, скоро выяснилось, что она влюбилась в китайца и уехала жить в Калифорнию. Но, кажется, ей там скучно и что-то не задалось, потому что мама звонит через день и пытается регулировать нашу жизнь по Скайпу. Гиблое дело! Ну, а отцу теперь никто не мешает чудить. В принципе, после развода он особенно и не переставал – кризис среднего возраста, знаете ли. Себя ищет.

Александр стал ещё мрачнее.

– Сколько лет вашему отцу?

– Сорок три. Я у них ранняя и не запланированная. Ошибка выпускного.

Мой новый босс превратился в тучу.

– А кто ваша мать? Почему Калифорния?

– Она певица.

– Как вы?

– О нет, я её бледная копия.

– Бледная? – Он искренне удивился и постучал по столешнице пальцами, не замечая официанта, нависшего над нами.

– Два кофе, пожалуйста, – кивнула я парню в переднике и сказала умиротворяющим тоном: – Родители мои оба – люди творческие, живут настроением. Знаете ли, Муза, вдохновение, шлея под хвост... По сути, моим воспитанием занималась бабушка.

– Та, которая веником кузена?

– О, вы запомнили! – восхитилась я. – Нет, та двоюродная, сестра моей родной прабабушки. А родной бабушки, к сожалению, нет уже давно. И хоть мои родители жили, как выяснилось, «ради ребёнка», быть старшей в семье приходилось мне. Я сама решила, куда поступать, сама поступила, сама закончила, сама нашла работу. А с папой мы просто дружим. У нас превосходные отношения!

– Откуда вы так хорошо знаете английский, если обошлись без репетиторов, как я понимаю?

– Одно время у нас жил композитор из Австралии, инди-стайл, очень неформального вида товарищ, но жутко добродушный. Он постигал загадочный русский дух. Тот ему не давался, как и язык. Композитору нечего было делать, мы гуляли, играли и готовили. Мне тогда было десять. А грамматику я выучила сама. И книжки читала.

– А французский?

– О, это ещё одна забавная история! Через лестничную клетку у старушки напротив жил студент с острова Маврикий, Инносенсио. Мне было четырнадцать, он изучал русский целый год, мне было скучно, ему тоже. Особенно летом. Мы ходили на Гребной канал плавать и надо же было как-то общаться. Студент ужасно любил борщ и блины моей бабушки, и называл её *La belle sorcière de la cuisine* – Прекрасная колдунья кухни. Бабушка считала, что французский в обмен на плаванье и борщ – весьма удачный бартер. Когда мавриканец вылетел из мединститута, не сдав сессию, и вернулся на родину, он даже выпустил популярную книгу о тайнах русской кухни. Прислал несколько экземпляров. Бабушка была счастлива. Но, на самом деле, я думаю, Инносенсио был немного влюблен в мою маму, ведь они так часто курили вместе на балконе... А пока он её ждал, занимался со мной французским. Ну а потом добавился университет, и знания удалось закрепить теоретической грамматикой, стилистикой и теорией структуры языка.

На стол опустились чашки кофе, где на пенке были фигурно выведены сердечки.

– Что-нибудь ещё?

– Нет, спасибо, – улыбнулась я, решив, что поспешивший с сердечками парень в переднике чаевых не получит.

– Нет, закажите что-нибудь... – пробормотал Александр.

– Я не голодна, спасибо. Тем более, что у нас с вами просто собеседование.

– Собеседование? Ах, да...

– Хотите, расскажу о себе на французском? Или продекламирую сценку из Мольера?

– Э-э... пожалуй, не стоит. – Мой собеседник выглядел немного пришибленно.

Не зря же я говорила, что мы из разных весовых категорий. Более того, из разных жизней, граней, видов и классификаций. А ведь я ещё не успела ему рассказать, что мой дядя подрабатывает экстрасенсом, служит сторожем в театре и в свободное от нечисти время пишет

книги... Пока не бестселлеры, хотя мне они очень нравятся. А мой дедушка был клоуном. Настоящим. В цирке. Пожалуй, о этом я не расскажу. Да и зачем? К проекту элитного алкоголя для закрытых клубов это не имеет абсолютно никакого отношения!

Люди живут по-разному. В одном городе есть параллельные миры, которые не пересекаются. Или соприкасаются по случайности, чтобы разлететься подальше с эффектом Большого взрыва. Я это точно знаю, я это уже проходила. Потому что мы все родом из наших семей. И от этого никуда не деться.

Бывают семьи счастливые и несчастливые. А бывает моя.

Глава 11

«Ничего себе!» – подумал я обо всех этих свободных отношениях богемы. Возможно, потолок у них гораздо раньше падал или поднимался, и не только сегодня с таким-то ассортиментом поклонников «яркой мамы»: креолец с острова Маврикий, китаец, ещё неизвестно, чем там австралийский композитор постигал загадочный русский дух. Папа Убейволка мог быть совсем не Отелло – виолончелью не задушишь, но в принципе если по голове с размаху... Виду я не показал и вслух произнёс, как ни в чём не бывало:

– Знаете, Марианна, ничего более занимательного на собеседованиях мне слышать не доводилось. А я их провёл немало, уж поверьте.

– Верю, – солнышком распустилась она.

И мне стало на душе хорошо. Вовремя я ею покривил.

– Не хочу показаться навязчивым, – сказал я, – но учитывая ваши проблемы с дырой в потолке, могу предложить вам выплатить зарплату авансом. Наверняка же вам нужны средства на ремонт.

– О нет, спасибо! – ещё ярче улыбнулась она и распустила волосы, одним движением стянув съехавшую резинку. Недлинные локоны рассыпались и засветились в солнечных лучах, словно присыпанные эльфийской пылью.

– Уверены? – уточнил я, списав отказ на деликатность. – Поверьте, щепетильность проявлять не стоит, когда речь идёт о подобных обстоятельствах. Жить с дырой в потолке – это не что иное, как форс-мажор и безобразие!

– Зато можно погоду узнавать, не выходя на улицу, – хихикнула Марианна, но потом добавила мягко и серьёзно: – Очень ценю ваше предложение, Александр, но правда, не стоит. Папа разрушил крышу, ему и починять. Кстати, он сказал, что уже есть идеи и будет вскрыта тайная записка.

– Ну, как скажете, – пожал плечами я, не очень-то ей веря.

Папа Мари мне уже представился, как тощий дрыщ в очочках в концертном фраке, с виолончелью в одной руке и отбойным молотком в другой. И Марианна с каской на голове, выглядывающая из дыры в половину обрушившегося потолка на крышу.

– Если не справитесь, то или я лично, или компания всегда окажем посильную помощь.

– Хорошо, спасибо, но я уверена, мы сами прекрасно разберёмся!

Хм, и в этом отфутболила. Во мне ещё пуше разгорелось упрямство. И вспомнилась моя бывшая. Какой разный подход к денежным вопросам! Лиза всегда просила, требовала, но «нет, спасибо, сама разберусь» было из серии ненаучной фантастики. Сначала мне даже нравилось – хочешь в Сочи на выходные? Пожалуйста. Нужно решить проблему? Не вопрос. Грустишь по тем эксклюзивным тувелькам? Купи, тебе пойдут.

Решать проблемы в том числе и деньгами – нормальная обязанность мужчины. Но, положи руку на сердце, чего-то хочется в ответ. Радости хотя бы.

Поначалу моя бывшая радовалась. Потом улыбалась уже не так восхищённо, а спустя несколько лет супружеской жизни всё стало обыденным, банальным и должным. Я должен был всем: ей, её детям, её маме, сёстрам и почему-то троюродной тётке из Кирова.

Странное дело – чем больше я платил, помогал, решал, тем чаще Лиза выражала своё недовольство, ибо ей не хватало. Я сосредоточился на том, чтобы зарабатывать больше, повернул даже кое-что, что руководство точно бы не одобрило. Денег стало больше, а радости меньше.

В день своего тридцатилетия я обнаружил седину на висках. Меня накрыло. Жизнь, сосредоточенная на переговорах, финансовой гонке и обеспечении потребностей, растущих, как клоны на дрожжах, вдруг показалась пустой. Мечтая о том, чтобы выпить ввече-

ром вдрызг, я сидел и читал корпоративные новости. И вдруг наткнулся на то, что один из моих коллег из Барнаула прошёл дистанцию по триатлону в Испании. С фото корпоративного онлайн-журнала смотрела сияющая победой рожа Ключичного, менеджера по ключевым клиентам. Загорелый, до безобразия наполненный жизнью, он вещал в интервью о том, что главное в жизни – интерес и вдохновение!

«Какое, к чертям, вдохновение?» – поморщился я. Затем окинул взглядом кабинет с подарками, которые нанесли сотрудники и партнёры, поморщился снова и вдруг понял, что завидую ему.

Не в моих правилах сидеть и колбаситься. Я предпочитаю делать. Так что я посмотрел видео в Ютубе, списался с Ключичным и загорелся. Да, я тоже хочу пройти Iron Man! Пока ещё суставы слушаются и мышцы не разошлись, тело ведь не вечное... Захотелось достижений и чего-то не о работе!

Но мои идеи о спорте и необходимости расти куда-либо ещё, кроме счёта в банке, Лиза не поняла, более того – подняла на смех. Пожалуй, именно с тех пор наши дороги стали расходиться, медленно – подкол за подколом, скандал за скандалом, пока мы, наконец, не оказались на разных берегах с опущенными забралами и мечами наперевес.

Я привык, что женщины – существа требовательные и вдруг пожалуйста... Может, новое поколение выбирает не только Пепси, а я что-то промухал?

Лицо Марианны довольно светилось, и мне хотелось большего – не для того же я всё это затеял, чтобы просто сходить попить кофе, провести собеседование и отчитаться начальству в реализации первого пункта международного проекта.

Я её не понимал, но это не раздражало, наоборот, вызывало любопытство. Она дышала иным воздухом, чем-то новым и свежим. И этот её позитив – совсем, как у Ключичного тогда на фото. Просто как кирпич на голову и невозможно жить дальше, как прежде.

Я так же широко улыбнулся Марианне и расправил плечи. Пусть видит, что разряд по плаванию тощим виолончелистам не дают.

Пусть я и ровесник её отца и матери, буду гнуть свою линию. И я далеко не седина в бороду, крыша в пляс, или что она там обо мне думает? Да-да, думает! Когда сказала про «кризис среднего возраста», посмотрела на меня так, словно я проехал мимо на байке, как молодой Дед Мороз, с пятью голыми девицами. Впрочем, на байке я бы, конечно, прокатился. Надо достать из гаража, пока Юра не разобрал в моё отсутствие.

– Я вам даже немного завидую, – продолжил я наводить мосты. – Столько разнообразия с юных лет: мавриканцы учат языкам, про блины пишут; музыканты, неформальная атмосфера, композиторы с Запада в качестве няньки. Что бы там ни было, главное, вам не было скучно!

– Правда? – воскликнула она, раскрывшись будто на ещё один слой лепестков. – Я рада! Обычно это всех шокирует. Особенно про маму...

– Ну, в некотором смысле, я её понимаю.

– Да-да, развод, вы говорили, – кивнула Марианна, сегодня больше похожая не на Мерилин Монро, а на ангела, притворяющегося человеком. Получалось плохо – светом были пронизаны уши, и белокурые волосы, воздушные пряди и нежная шея.

Мне снова захотелось увидеть её колени, и подумалось, что джинсы для женщин – это отвратительное изобретение модельеров.

Словно в подтверждение в кафе зашли две женщины в джинсах и кроссовках, одинаковые и бесполое, как солдаты Джейн. Они скользнули по нам равнодушными взглядами и прошли по витой лесенке на второй этаж.

В заведении было удивительно пусто, по углам зелено. Официант скучал. Обстановка располагала к продвижению моей стратегии. Потому я с улыбкой искусителя произнёс:

– Вы, конечно, первый день у нас работаете, и поэтому к вам нет никаких претензий. Но вообще у нас существует корпоративный дресс-код. Надеюсь, завтра вы вольётесь в коллектив.

Я представил её ножки, обтянутые тонким чулком. И туфельки – те, в которых она пела на сцене. В её случае просто преступление всё это прятать!

– Белый верх, чёрный низ? – задорно спросила Марианна.

– Не обязательно. Но девушки у нас ходят в деловых юбках или платьях. Возможно, вы заметили?

– Не успела, – мотнула она головой. – В потоке слёз и аллергического насморка детали были упущены.

– Ещё раз извините за накладку. А сейчас вы точно в порядке? – поинтересовался я.

– Абсолютно.

– Тогда расскажите ещё о себе, – попросил я и вспомнил про кофе. Отхлебнул, почувствовал на языке приятный вкус. Затем откинулся на спинку стула и закинул ногу за ногу.

– Училась, закончила, получила диплом, работала, работаю, обожаю иностранные языки и всё, что связано со словами, замужем не была, – скороговоркой выпалила Мари. – Впрочем, это ведь уже не имеет значения?

– Имеет. Иначе б я не спрашивал. Но вы на удивление кратки. Обычно кандидаты на замещение вакансии стараются себя продать получше.

– Я не продаюсь, ибо бесценна, – заявила она и хитренько сощурилась. – Погодите-ка, Александр, вы хотите сказать, что если бы вы нашли в моей самопрезентации изъяны, вы бы не стали подписывать со мной контракт?

Я усмехнулся и не ответил: много будет знать...

Но это создание не успокоилось. Она отставила чашку с кофе в сторону и подалась вперёд.

– Тогда скажите, почему вы наняли именно меня?

Дерзкая! Нравится! Ужасно нравится!

Я наклонился к ней через крошечный круглый столик. В мгновение до поцелуя её глаза изумлённо расширились, поглотив оттенками небо. А затем я коснулся её губ своими. И веки сами закрылись.

Малиновый вкус, лепестковая нежность и блаженство по телу. Мне захотелось продолжить, но Марианна отпрянула. За её зрачками зрело неопределённое: то ли восторг, то ли революция. Прежде чем она успела мне что-то сказать, я сощурил хитро глаза, пьяно блаженные, и улыбнулся:

– Отвечу вам только после того, как вы скажете. Итак, почему вы меня тогда поцеловали?

Она моргнула. Я смотрел с нарастающим внутренним чувством торжествующей правоты, предвкушением радости и удовольствия, которые проявились улыбкой мартовского кота, ибо так я себя и чувствовал.

Марианна стала пунцовой, словно вновь нанюхалась лилий, и выпалила:

– Из жалости!

Улыбка сползла с моего лица.

– Простите... – сказала она, подскочила со стула и, подхватив рюкзак, бросилась на улицу.

Всё блаженство мигом слетело в тартарары. Меня будто пыльным мешком по голове ударило. Я сглотнул и потянулся в карман за несуществующим платком. Вместо него достал портмоне и деньги... Выложил на стол.

Какой там был фильм недавно на «Оскар»? «Старикам здесь не место»? Угу. Статуэтка моя. Аплодисменты. Занавес.

Глава 12

Знаете, почему футболисты получают более серьёзные травмы, чем боксёры? Потому что боец на ринге нацелен на удар, готов атаковать сам. Он собран, для него нападение – не сюрприз. К тому же имеется шлем, перчатки, рефери и странная штука в зубах, название которой я никак не запомню. А для футболиста главное на поле – мяч, он не бежит на вражескую половину поля, желая порвать соперника, как Тузик грелку. Его дело – пас, удар по мячу и го-о-ол! И вдруг чужая буца попадает ему в голень. Или в колено. Всякое бывает. И что тогда?

Искры из глаз. Носилки. Больница. Конец карьеры.

Сейчас я была, как тот футболист. Голеностоп цел, но в голове что-то взорвалось. Канонада мыслей, полная сумятица в груди. С ударной волной страхов и растерянности меня понесло вдоль по Пушкинской, как контуженного кролика, спасающегося с поля боевых действий.

А он... А я... Обалдеть, собеседование! Какое коварство! Хитростью нанял меня на работу? Потому что поцеловала? И чтобы продолжить... Ему не хватило?! Мерзавец! Я дура! А притворялся приличным! Нет, сразу надо было догадаться! Гад! А-а-а!

Губы и щёки горели, сердце вырывалось из груди, хаос в голове гремел, как оркестр пьяных тромбонистов.

Как он... А я... Но он же...

Квартала через три, когда я чуть не сбила группу дагестанских студентов и пролетела сквозь их гущу, как ракета Томагавк, я вдруг почувствовала ощутимый удар по пятой точке. Остановилась, разозлённая. Обернулась, пуская пар из ноздрей. Кто посмел?!

Весёлый мячик с диснеевскими картинками скакал вдоль по бульвару, отрикошетив от моей попы. Малыш в синей шапочке в огромном желтом помпоне, распахнув ладошки, бежал за ним. Пожилая женщина извинилась с виноватой улыбкой. Злиться было не на кого. Я потёрла ощутимо ударенное место и выдохнула.

Какофония в голове затихла. Мир включился волной запахов почек на ветках, ольхи и луж, щебетом птиц и картинками. Дагестанские студенты, все как один в белых носочках и с тёмными бородками забыли обо мне и гортанно обсуждали что-то на своём языке. Стайка воробьёв купалась, расправив крылышки, в песочнице. Лихо объехал меня седой велосипедист, подтянутый, в коротких велосипедных штанах, несмотря на ощутимую прохладу. И я уткнулась взглядом в ударивший меня мячик.

Он катился, подпрыгивая, к разрытой у края газона траншее. Малыш не успевал. Бабушка тем более. Сейчас они оба окажутся в глубокой луже грязи!

Я рванула с места наперерез. Прямо через кусты. Перескочила через фигурно выложенную дорожку мелкой гальки. Поскользнулась на траве, чуть не упала, но на самом краю поймала мячик. Аж вскрикнула от радости. Подняла торжествующе с ощущением, будто это было самое важное, что я могла сделать. Протянув беглеца розовощёкому бутузу, вдруг посмотрела на картинку. На меня смотрел нарисованный на резине и прилично измазанный Король Лев!

Да вы смеётесь!

Мальчонка бойко забрал у меня игрушку. Мой взгляд зацепился за нарисованного царя зверей, и я замерла. Как однако связаны части тела: от одного Короля Льва в голове случился взрыв, от второго, резинового, врезавшего по попе, вверху просветлело. Видимо, потому что как-то всё сегодня через то самое место и происходит. А следом проклюнулась мысль: а что он, собственно, сказал? И сделал? И почему я вляпалась?

Я прокрутила в голове наш разговор. Вспомнила его лицо после моих слов. И мне стало как-то нехорошо. Нет, он-то припёр меня к стенке, загнал в ловушку, как антилопу на сафари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.